

Николай ЗАЙЦЕВ Евгений КОЛОБОВ

ПЛАСТУНЫ

ЗОЛОТО ПЛЕВНЫ-ЗОЛОТО СЕРБИИ

Новый исторический роман

Николай Зайцев

**Пластуны. Золото
Плевны. Золото Сербии**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Зайцев Н.

Пластуны. Золото Плевны. Золото Сербии / Н. Зайцев —
«Издательство АСТ», 2023 — (Новый исторический роман)

ISBN 978-5-17-158119-0

Русско-турецкая война. Русский корпус, брошенный всеми, заперт на перевале Шипка. В боевых условиях человеческие отношения между солдатами и офицерами становятся на вес золота. Поручик артиллерии граф Суздалев и казачий сотник Билый воспитывались по-разному, но представления о чести и морали у них общие — верность долгу и любовь к Родине для них не пустые слова. Фронтальная дружба крепнет, когда товарищи оказываются в глубоком турецком тылу, где, проходя через все испытания, офицерам предстоит сохранить верность принципам.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-158119-0

© Зайцев Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Золото Плевны	6
1. Шашка	7
2. Сатисфакция[13]	13
3. Конвой	19
4. Обмен	26
5. Рождение притчи	39
6. Пароль Тодор	49
7. Ведунья	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Николай Зайцев, Евгений Колобов Пластуны: Золото Плевны. Золото Сербии

Серия «Новый исторический роман»

НОВЫЙ
исторический
РОМАН

Иллюстрация на обложке Сергея Курганова

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Николай Зайцев, 2023

© Евгений Колобов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Золото Плевны

1. Шашка

Земля дышала, нагретая дневным солнцем, исходя жаром.

Осязаемый воздух играл столбом мелких частиц на уровне пыльных сапог и с готовностью распадался от каждого нового порыва ветра или быстрого движения солдат на батарее. Ветер дул в спину, и дым от наших залпов на время закрыл поле нашего последнего боя. Вместо привычных запахов войны на позиции остро запахло горькой полынью и незнакомыми цветами, кажется, последние летние отголоски. Даже растения торопятся перед длинной зимой, цени каждый день ранней осени. Я запрыгнул на темную от времени перевернутую бочку, вытер обильный пот на лице, размазывая черную копоть по выбритой коже, и сощурился от слепящего послеполуденного солнца. Достал из портсигара ароматную турецкую папиросу. Закурил.

С турецкой батареей покончено.

Как и не было ее.

Второй день нас преследовали по пятам. Не давая расслабиться и угрожая полной расправой и уничтожением – в плен турки брали только старших офицеров.

В первой волне погони, преследующей отступающий шеститысячный русский корпус¹, шли турецкие резервисты². Самоуверенные и наглые пехотинцы раньше служили в турецкой армии и не знали, что наши новые пушки дальнобойнее турецких почти на версту.

Моя трехпушечная батарея, оставленная в арьергарде³ прикрыть отход потрепанного корпуса, накрыла противника, когда они только начали разворачиваться в боевой порядок. Один картечный залп разогнал наступающую пехоту, и я всецело сосредоточился на уничтожении турецких пушек.

Сейчас главное – выиграть время, каждый час бесценен. Наши закрепятся на самой высокой горе, перекроют Шипкинский перевал, и без артиллерии их выковырять будет затруднительно. Конечно, в сорокатысячной турецкой Третьей армии найдутся еще орудия, но эти уже стрелять не будут. Уничтожены вчистую. Последний залп получился очень удачным и тянул на Георгиевскую медаль⁴ для наводчика. Граната попала в повозку с огненным припасом. Громыкнуло громом, и в небо взметнулось огненное облако, слепя глаза. В секунду часть гранат взорвалась сразу, уничтожив всех, кто оказался в пятидесятиметровом смертельном диаметре. Остальные снаряды разлетелись в разные стороны, калеча и убивая и так мечущихся пехотинцев. Поднялась паника.

Для нас появилась короткая передышка. Теперь нужно продержаться как можно дольше, продать свою жизнь как можно дороже. Батареицы понимали, что тяжелые пушки в горы не затащишь, но когда, расставляя орудия, увидели, как наших лошадей уводят вместе с уходящими силами, дружно закрестились, зашептали оборонительные молитвы.

– Шрапнельной гранатой, заряжай, трубка первая!

Первая – самая короткая, чистим пространство перед позицией батареи.

Через пороховой дым, окрашенный заходящим солнцем в разные оттенки красного, тяжело рассмотреть, куда стреляешь. Когда дым рассеивается, солнце слепит глаза, снова, промаргивая едкий пот, щурюсь и холодею, видя близкую опасность. Увлечся уничтожением чужой батареи, обрадовался удачным выстрелам и не заметил скрытый маневр противника:

¹ Корпус – общевойсковое соединение. Может состоять из дивизий, полков, как пехотных, так кавалерийских. Также к корпусу могут быть прикомандированы артиллерийские парки.

² Резервисты – ополчение.

³ Арьергард – тыловая охрана, термин, означающий в военном деле войска прикрытия.

⁴ Георгиевская медаль – медаль «За храбрость», учреждена в 1807-м.

побежавшая было пехота внезапно оказалась гораздо ближе к нашему наскоро сделанному реду. Турки наступали со стороны заходящего солнца, и я не сразу разглядел бунчуки пехоты низам. Куда подевались резервисты со своими малообразованными офицерами? На смену им появилась кадровая турецкая регулярная пехота, обученная пруссаками, опасная в своей ярости и известная жестокостью атак. Только там лучшие офицеры, которые выучены и прошли муштру на зависть многим колониальным армиям.

– Поторопись, голубчики! – стараюсь крикнуть как можно бодрее, не выказывая тревоги. От интонации моего голоса зависит быстрота действий. Пушкари по сторонам не смотрят – своих дел хватает. Движения быстры, четки, лишены суеты. Столь многократно повторенные, что можно залюбоваться. Дождавшись трех докладов о готовности вместо привычных шести – три орудия потеряли в прежних боях, командуя:

– Батарея, пли!

Три черных облачка раскрываются на фоне солнца.

– Довернуть три деления влево, шрапнельным, заряжай!

Много чужих солдат. Не смотрят по сторонам, не оглядываются, головами не вертят. Все в порыве и чуть ли не летят над землей, стремительно струятся к нам темной нереальной волной, понимая, чем быстрее добегут, тем больше шансов не попасть под залп.

– Барин!

Знакомый голос отвлекает, хмурясь, смотрю вниз. Верный Прохор, мой вечный нянька по жизни, дергает за полу сюртука. Смотрит испуганно то на меня, то на приближающуюся пехоту. Глаза стекленеют – понял, он же опытный солдат, губы трясутся, но справляется со страхом:

– Барин, Христом Богом, наденьте. – В руках дядька держит белую папаху. Кристальная белизна овчины отрезвляет.

Мне становится жалко старика, быстро принимаю решение:

– Вестовой⁵, слушай мою команду! После залпа возьмешь орудийный замок. Со старшим фейерверкером к нашим. Постарайся уцелеть. Прошу тебя, старик, беги. Командованию расскажешь про батарею, ну и сам знаешь еще кому, если выживешь.

– Ваше благородие, Иван Матвеевич! Мне уходить от вас никак нельзя.

– Пускай душа твоя останется со мной, а сам руки в ноги – и в штаб или к первым офицерам. Выполнять!

– Надень, барин.

Прохор грохается на колени, рыдает, но папаху держит в поднятой руке. Что за блажь?! Впрочем, папаха защитит лучше фуражки. Надеваю, коротко киваю дядьке, заставляя начать двигаться под взглядом, и отпускаю, теряя из вида.

– Батарея, пли!

Орудия содрогаются в последний раз.

– Орудийные замки⁶ снять. Взводный командир, ко мне! Старший фейерверкер⁷ Гулый с ординарцем, доставить замки полковнику. Разбирай, братцы, оружие, готовься к рукопашной, – говорю как-то устало и буднично. – Простите, братцы, коль что не так было. – Отбросил ненужную фуражку, поклонился и перекрестился на две стороны.

– И ты нас, ваш бродь, прости. С нами Бог! – закричали наперебой пушкари и стали, примеряясь кто к баннику, кто к кривому артиллерийскому кинжалу бевуту⁸. А бомбандир

⁵ Вестовой – рядовой, назначавшийся к командиру для выполнения поручений, главным образом для связи и передачи приказаний.

⁶ Орудийный замок – смысл в том, что пушка без него стрелять не будет.

⁷ Старший фейерверкер – фейерверкеры артиллерии были основательно подготовлены и теоретически, и в особенности практически для исполнения обязанностей непосредственного начальника орудия и для замещения взводного командира.

⁸ Бевут – кавказский кинжал, авторский ляп, шашки были у артиллеристов того времени.

Сидоров, скоро организовавшись, с двумя десятками канониров уже начал стрелять из карабина Бердана⁹.

– Ваше благородие! – Старший фейерверкер Гулый стоял навытяжку. У ног мешок с замками. – Дозвольте остаться. Кого помоложе пошлите. Я-то пожил.

– Кому ж я замки могу доверить? Тебя, Гулый, сколько лет учили, а теперь нового некогда учить, видишь, голубчик, как вышло. Один замок Прохору – и бегом, родненькие, пока можно. Выполнять, живо!

Ну что ж. Умирать так умирать.

Побольше бы с собой прихватить. Одна мысль. Сноровка есть, лишь бы шальная пуля не нашла. Шевельнулась слабая надежда на казачью полусотню, спрятанную в балочке. Но нет, не успеют лихие рубаки. Раньше им нужно было отвлекать. Изменить положение ввиду малочисленности они не могли, но была надежда, что за маневром казаков мы сможем отойти.

– Эх, мать божья, царица небесная, спаси и сохрани. Ангел-хранитель, не оплошай, проследи, чтоб там попал куда положено, если и грешил, то смертью своей в чужой земле должен перекрыть все свои беззакония, – губы зашептали молитву. Спрыгнул с бочки, вынул из кармана горсть патронов, вытащил из кобуры свой смит-вессон¹⁰. Только привыкать начал к новому оружию, до этого револьвер Кольта был. Но новый оказался лучше, надежнее и бил точнее. Шесть заряженных смертей? Пять? Допускаю, что разок промахнусь. Больше не могу себе позволить. Справа над насыпью обваловки ненавистой брусничкой показался бунчук.

– Один, – сказал я, глядя, как брусничным соком брызнуло из-под чалмы. Солдат вырвал османский штандарт – бунчук упал на нашу сторону, зарываясь конским хвостом в пропитанный кровью песок. На верхнем конце древка тускло блеснул полумесяц. Затоптали.

Два, три, четыре, промазал, пять. Левым большим пальцем сдвинул замок вверх револьвера. Он переломился, как охотничье ружье, выбрасывая стреляные гильзы. Спокойно, поручик, не трясись рукой, шесть новых смертей на боевом взводе. Теперь крутись как черт, со всех сторон рубка. Перезарядить больше не дадут.

– Шесть!

Турки валят со всех сторон, стреляя из американских ружей с искривленными, как у ятаганов, лезвиями штыков. Телами завалена вся позиция. Раненые стонут и кричат, хватаясь за живых. Ползают в поисках укрытия. Проклинают на русском и турецком. Смешались языки. Стерлись границы. Вокруг понятные слова.

С двух сторон набегают неприятели со штыками, нацеленными в мой живот. Кричат, брызгая слюной. Их ненависть подхлестывает рефлекс. Левого сваливаю выстрелом в грудь.

– Семь, – кричу сам себе, падаю в его сторону, разворачиваясь, и понимаю – не успею.

Понимает это и неприятельский солдат. В глазах вспыхивает адское пламя, кривая усмешка перекашивает рот. Торжествует. Почувствовал победу. Словно Турция победила Россию, и нами решился исход великой битвы. Радует. Вдруг у турка появляется аккуратная дырочка под глазом. Его винтовка по инерции летит в меня и втыкается в то место где я только что лежал. Пехотинец как подкошенный валится сном. Как так получилось? Кто стреляет?

– Молодец! – хвалю я сам себя. – Откатился вовремя. Пока неплохо получается.

Встаю на колено.

– Восемь, девять, – револьвер дергается в руке. Распрямляюсь и поднимаюсь в полный рост. На ногах.

– Десять.

⁹ Карабин Бердана – однозарядная винтовка под унитарный патрон центрального воспламенения с металлической гильзой и дымным порохом, состоявшая на вооружении в Российской империи в конце XIX века.

¹⁰ Револьвер Смит-Вессон – в 1871 году в русской армии были введены револьверы Смита-Вессона образца 1869 года, официально именовавшиеся 4,2-линейным револьвером системы Смит-Вессона. Это была весьма совершенная для тех лет модель.

Турки лезут только справа. Казаки все-таки сработали. Кричу:

– Отходим, братцы!

Только мало кто слышит – бой рассыпался на части. Какие-то взвившиеся кучки. Шагах в пятнадцати двое батарейцев работали как английская машина. Один банником сбивал в сторону винтовки, второй кривым бебутом как серпом подрезал переднюю ногу атакующего под коленом. Шаг назад, очередной турок верещит, катаясь по земле, мешая своим сотоварищам. Стреляю в того, кто сзади к ним крадется.

– Одиннадцать, – успокаиваю и этого хитрого турка. Патронов больше нет. Курок щелкает вхолостую.

Револьвер смит-вессон летит в голову набегающего турка. Шашку вон, не успеваю замахнуться, два турка поймали по пуле. Выстрелов не слышно, кто же это так ловко стреляет? Ладно, жив буду – разберусь. Пока мне удача. Шашку в ножны. Быстро подбираю винтовку супостата. Краем глаза успеваю заметить, что в руках турецкий вариант пибоди-мартини, незначительно отличавшийся от английского прототипа устройством затвора, патрона, размерами штыка. На ствольной коробке выбит тугру султана Османской империи – знак с обозначением его имени и титула. Дальше счет на секунды. Легким, почти незаметным движением отбиваю нацеленный в грудь штык. Тут же левая нога вперед и в сторону, и всаживаю свой штык под верхнюю пуговку басурманского мундира.

Двенадцать.

Сколько же вас!

Слишком сильно отбив вправо, трачу бесценное время и снова колю под пуговку.

Тринадцать.

Один за другим еще двое валятся от неизвестных стрелков. Заметив непонятное оживление или обратив внимание на крики солдат, ко мне направляется офицер на лошади. Тут не разгонишься, а конных только необстрелянные боятся. Винтовку наперевес. Два шага влево, два вправо, пусть думает, что тоже боюсь. Дядька-наставник в юнкерском училище на всю жизнь вбил порядок действий в строю и один на один. Шашечкой своей замахивается, ему бы коня остановить и боком развернуть. Тогда, правда, тянуться нужно будет, чтоб достать, а он грудью конской сбить меня решил, вот туда и штык, приклад в землю упереть. Жду, в какую сторону он завалится. Влево. Вправо вперед, чтоб между лошадиных копыт оказаться. Теперь шашка в дело. Вырывая шашку из ножен, продолжаю движение, режу по уходящей за падающую лошадь ноге, чуть выше сапога. Рана не смертельная, однако теперь офицер мне не соперник. Мой клинок сверху, наступаю на лошадиный бок, жалко лошадку, опускаю стальную полоску. Метил под ухо, ниже чалмы. Басурманин вскинул руку в попытке защититься, перерубил руку, рассек лицо, пришлось еще уколоть над воротником. А шашка у иноверца хороша! Поменяемся, Мусса? Или Исса, или как там тебя звали.

Четырнадцать.

Подобрал оружие. Ухватистая шашка в такой свалке сподручней. Огляделся. На позиции осталось две активные кучки. Два десятка батарейцев бежали в гору, в сторону наших. С той стороны сверкнули две вспышки, сзади предсмертный хрип, еще два трупа. Из-за валуна, метров триста выше, поднялась фигура в черкеске. Заливистый свист и крик:

– Поручик! Господин поручик, сюда.

Погодите, ребята. Из кобуры поверженного вынимаю такой же смит-вессон, как у меня был. Модель только немного другая. Расчетливо разряжаю в ближайшую кучку. С каким-то особым удовольствием.

Двадцать.

Из распавшейся свалки тел выскочил до самых бровей залитый своей и чужой кровью мой фейерверкер второго орудия. Улыбается, не веря в чудо.

– Бежим в гору, – кричу ему. Солдат благодарно хрипит и кивает, что понял.

Нас не преследовали. Лениво постреливали. Мазали. Я держал к камню, откуда кричал казак. Сердце лихорадочно застучало, ожидая встречу. Слишком таинственным казался меткий стрелок.

Казачков было двое. Лошадей они уложили за камни на время своей засады. Запрыгнув в седла, крикнули, чтоб мы хватались за стремя. Бежать, когда тебя тащит прекрасное ухоженное животное, легко. Приноровись к лошадиному ходу и только ноги поднимай.

– Прости, ваше благородие, седло не предлагаю, конь тебя не подпустит, а времени в обрез. Дядька ваш нас нанял оборонить, золотом обещал расплатиться. Давай до тех куширь¹¹.

– Погоди, дай отдышаться, да и солдатику моего перевязать нужно.

Турок мы видим, конных у них нет. Погоня не грозит. Казаки спешили, один занялся фейерверкером. А я хорошо их рассмотрел. Прекрасные лошади, отличное оружие и латанные-перелатанные обтрепанные черески. На ногах какие-то чуни из свиной кожи щетиной наружу, столетние папахи. Пластуны!¹² О ловкости и меткости этих людей в армии сказки рассказывали. Каждый командир хотел заполучить под свою команду как можно больше казачьих частей, хотя командовать ими было сложно. О дисциплине не шло и речи. Можно было только ставить задачу и хвалить за выполнение. В казачьи части приходили добровольно кубанские пластуны. Они не подчинялись никому – ни армейским офицерам, ни своим сотникам и атаманам. В казачьей сотне на войне находились от пяти до десяти пластунов. Если боевая задача была трудна для казаков, обращались с просьбой к пластунам. Эти ребята обязательно придумывали какую-нибудь гадость для противника. Отравить или угнать табун лошадей и оставить неприятельское войско без лошадей перед наступлением. Застрелить в глубоком тылу вражеского генерала и раствориться без следов. Во время боя несколько пластунов занимали позиции, с которых без промахов отстреливали командиров или вражеских артиллеристов. Воевали не только дерзко, но и еще с издевкой над врагом. Днем пели песни под мандолину, занимались своим оружием и лошадьми, а по ночам вырезали турецкие караулы, перед уходом поднимая панику среди турок. Один раз приволокли с полтора десятка вражеских мундиров, вывешенных для просушки. Другой – котел с почти готовой кашей. Это не для урона, для куражу.

– Так что тебе дядька обещал?

– Перстнем золотым прельстил.

Откуда у Прохора перстень, интересно.

– Может, это подойдет. – Из кармана достал золотой портсигар – подарок отца в день получения офицерских эполет.

– Он только с надписью.

Казак взвесил на ладони массивный прямоугольник.

– Не жалко? Видать, дареный.

– Отец с рождением русского офицера поздравлял, а сегодня я как заново родился.

– Отец жив?

– Два года как... – Мы вместе перекрестились.

– Тогда не возьму. Беречь такие подарки полагается, память об отце священна. Ты, поручик, уразумей, не за золото мы пошли. Богатство – это не для нас. Не каждый холоп так за своего барина просит. Интересно стало! Да и ты не плошал: один был в белой папахе, вертелся чертом, геройствовал, терял тебя не раз. Рад, что вышел из рубки целым. Вот папаху твою взял бы! Где она?

– Нет. Утерял, – растерянно пробормотал я.

¹¹ Кушири – труднопроходимые, заросшие кусты.

¹² Пластуны – казаки, привыкшие к пограничной службе сызмальства, лучшие стрелки, выносливые люди, часто неприметной, малозаметной внешности, способные целые дни проводить в тяжелых условиях. Аналог современных подразделений специального назначения.

Пластун усмехнулся в усы, но вернуться не предложил. Я посмотрел на его поношенный головной убор.

– А давай так: я у тебя папаху куплю – и нравится мне она, и память о тебе будет. Да и не гоже мне, офицеру, без головного убора, не ровен час на доклад вызовут.

И я вытащил все ассигнации, которые были в кармане, и протянул довольному казаку.

– На память, ваш бродь, я тебе утерянную добуду, а пока носи, – снял свою и протянул.

2. Сатисфакция¹³

– Барин, Иван Матвеевич. Живой! – Прохор не столько сбегал вниз, сколько старался не набрать скорость.

– Змейкой, змейкой беги. Держи на молодые раины¹⁴, ишь, как тянутся среди каменюк, – крикнул ему казак. – А то до Плевны не остановишься.

Старик скользил по жухлой траве, путался в корнях сухого бурьяна, готовый упасть и сломать себе шею. Каждый раз я не выдерживал, прикрывал глаза и морщился, открывая их с неохотой, медленнее, чем полагалось. Обошлось. Молодой казак, стоявший рядом, одобритительно засмеялся и покрутил головой, восхищаясь чужой прыткости, не свойственной для столь почтенного возраста. На последних метрах солдатское кепи слетело с головы дядьки, когда тело изогнулось под немыслимой дугой. И головной убор уже он водрузил на седые кудри в колючих фиолетовых репьях¹⁵. Верный слуга прижался к груди. Горло стиснула спазма.

– Зачем же ты бежал, как Буцефал двуногий, мы же сейчас подниматься начнем, – как можно ласковее спросил я, пытаюсь отодрать с грубого сукна кепи первый репейник. Глупая затея не удалась. Цветок упирался всеми колючками, и материя трещала. Оставил так. Какая-никакая маскировка.

– Терпеть мочи не было. – Глаза старика были полны слез, губы тряслись. – Цел ли, батюшка, не ранен?

– Не кручинься, Прохор. Самым замечательным случаем цел. Вот казаки сильно выручили. Без них ни за что не выбрался бы.

– Не преувеличивай, ваше бродь, – казак отмахнулся от крылатого насекомого, отгоняя божью тварь от носа своего. – Ты и сам, поручик, скор и как вьюн крутился. Видел я. Оценил. Однако теперь расходятся наши дороги на этом месте. Дальше сам доберешься. Нас товарищи вечерять зовут.

Оглядевшись по сторонам, ничего не заметил, где сотоварищи казака и куда они его на обед приглашают. Стало интересно, словно ребус решаю.

– Ты не головой верти, кулеш носом чують треба! – подсказал служивый, показывая, как надо правильно дышать носом: шумно и морщить посильнее.

– Точно, – я рассмеялся. – Вон оттуда вроде ветерок приносит.

– Точно, – передразнил казак досадливо. – Вон откуда, – показал пальцем в абсолютно голое место в другой стороне.

Правду он говорил или опять дразнил, так и осталось для меня загадкой.

– Погоди, пластун, я понял, ты ночью туда, – я ткнул пальцем за спину, – возьмите меня с собой.

– На кой?! – опешил казак, представляя себе такую обузу.

– На пушки свои посмотреть хочу, ну и папаху вернуть, чего имущество иноверцам оставлять. – В этот момент я сам себе не смог ответить, зачем мне это нужно. Память – дело хорошее, но если бы мне предложили лезть ночью к туркам, я, безусловно, отказался бы. Чего это черт меня за язык дернул. Хотя теперь, когда слово вслух произнесено, меня не остановят ни господь Бог, ни воинский начальник.

– Гриц, возьмем поручика? – заулыбался казак в усы, кивая напарнику. Одетый в коричневую черкеску, пыльный и с темной кожей, как земля вокруг, воин не сразу среагировал на слова друга.

¹³ Сатисфакция – удовлетворение за оскорбление чести и достоинства, осуществляемое в виде поединка, дуэли.

¹⁴ Молодые раины – пирамидальные тополя.

¹⁵ Репей – имеет колючие или цепляющиеся соплодия.

– Гриц? Что там у тебя?

Долговязый жилистый мужик, от которого скрытая сила исходила мощным потоком, как раз в очередной раз отпихивал руку Прохора. Хмуро глянул в нашу сторону, сердито брови сводя на переносице:

– Микола, та кажи ты ему... Шо за скаженный дид! – кажется, казак начинал сердиться и заводиться. – Поручика? Та возьмем, нехай попробуе тещиних блинов!

Николай повернулся к Прохору. Потрепал старика по гимнастерке, пыль выбивая:

– Дядька, та чего вы человека истязаете, ему проще до Стамбула и обратно сбегать, чем объяснить, что барин ваш удачно у меня шапку купил и того... ну... это... не возьмем мы у тебя ничего. В расчете мы. Полном. – Казак сделал паузу и уже добавил мне: – Все, пора, по первой темноте к большому камню, тому, ну знаешь, подходи, только тихо. И чтоб ничего белого. – Он тряхнул светло-русый чубом. – Разумеешь?

– А красное можно? – на всякий случай спросил я.

– Червоне ночью як черное. – Пластун присвистнул. – Можно, а что у тебя красное?

– Оторочка мундира. – Я не врал – была кайма.

– Шуткуешь трошки? – Микола подмигнул. – Це гарно. Мундирчик худой наденьте – на животе придется поползать.

– Николай, еще вопрос. На каком языке вы говорите?

– Язык обыкновенный, человеческий. Все понимают – и русские, и хохлы, и сербы, и черкесы. Ну, до побачинья.

Казак через десяток метров скрылись за кустарником. И так ловко, что ветки, перестав дрожать, быстро застыли неподвижно, словно и не пропускали через себя никого.

– Теперь, Прохор, доложи, сколько наших вышло и где они.

Старик вытянулся, понимая торжественность момента.

– Тут недалеко, возле ручейка, в порядок себя приводят, шестьдесят четыре души.

Из сотни. Совсем неплохо. На душе стало радостнее.

– Старший фейерверкер сказал, если вы вырветесь, пойдем строем, под вашей командой. С песней. Мол, артиллеристы не дикобразы турецкие, и сейчас все чистят к вашему приходу, чтоб выглядеть, как новые пятиалтынные.

– Пошли тогда, покажешь, а по пути про перстень расскажешь. Где добыл, каким способом.

– Господь с вами, батюшка Иван Матвеевич, маменька ваша в дорогу дала с наказом беречь пуще глаза. В самую тяжелую минуту пустить в дело... – он потрогал холщевый мешочек, висевший на шее. Я-то думал – ладанка или щепоть родной земли.

– Давай так, если целыми выберемся отсюда, оставишь его себе.

– Спасибо, Иван Матвеевич. – Прохор осенил себя крестом. – Только правильно будет вашей матушке вернуть. Вещица дорогая, фамильная, должна в семье остаться.

Тут я понял, почему матушка доверила ему, а не мне. Давно проспорил бы или в карты поставил. Все теряет ценность, если завтра убьют молодым. Даже фамильные графские перстни. Заметив, что старый солдат стал задыхаться, предложил как бы между прочим:

– Присядем, револьвер почистить нужно, вон и камни удобные.

На удивление оружие турецкого офицера содержалось в полном порядке. Его смит-вессон украшен костяными щечками с изображением полумесяца. У меня же были простые черные деревянные с насечкой. Это что ж, британцы специально для турок-мусульман оружие изготавливают?! Ну эти за пару фунтов мать родную продадут. Пока я драил револьверный ствол, Прохор полировал турецкую шашку.

– Богатая сабля, важного офицера вы, батюшка, зарубили, – Прохор даже заикался от восхищения и от охватившего волнения. – Всем на зависть!

– Не думаю. Чего важному в первых рядах делать, хотя, захватив русскую батарею, слава в армии обеспечена. Славу и уважение за деньги не купишь. Только это, старик, не сабля, а шашка, видишь – гарды нет.

– Так пальцы без защиты, – старик хмыкнул, вертя оружие.

– Зато направление удара можно в любую сторону менять.

– Узор-то какой, погляди, золотом отделана.

Действительно, внимательно рассмотрев, я по-настоящему оценил свой трофей. Золото по серебру, серебром по золоту. Искусная мусульманская инкрустация. Такой и воевать жалко. Генеральская шашка!

Проход словно услышал мои мысли. Заохал, засопел, заважничал:

– Теперь, Иван Матвеевич, придется шибе в генеральское достоинство входить. На зависть всем! А какой жених будет! Первый в округе. Да о такой партии князя мечтают, желая своих дочек пристроить.

– Жених, – хмыкнул я. – Князя! Разве что грузинские. Скажешь тоже, Проход! Да мне бы Анну на сабле получить! Пора уже кресты носить.

– «Клюкву»-то?¹⁶ Тоже мне крест, ее в армии, почитай, все офицеры носят. Вам, Иван Матвеевич, за подвиги ваши Георгия пожалуют, помяните мое слово. О то крест так крест! – Старик вытаращил глаза и развел руки, показывая, какой крест. Выходило больше, чем на грудь. Я вздохнул:

– Лишь бы не на могилу. Не посмертно.

– Типун тебе на язык, барин! – загорячился Проход и сплюнул три раза через правое плечо. – Слышала бы матушка!

Дальше была встреча со своими канонирами, марш батареи к штабной палатке, доклад генералу. Командир улыбался и промаргивал стариновскую слезу. Троекратное «ура», объятия штабных и друзей. И наконец беседа с генералом под коньяк, в приватной беседе, без посторонних глаз и ушей адъютантов. Красноречие куда-то подевалось, не мог двух слов грамотно связать, робел, но потом, видя одобрение в чужих глазах, слова потекли сами собой. В неформальной обстановке доложил генералу свою задумку: вместе с пластунами сделать ночную вылазку на позицию батареи. Лично оценить, так сказать.

– Не горячитесь ли вы, Иван Матвеевич, может, стоит отдохнуть? – Генерал медленно постучал тонким карандашом по трофейной карте.

– Нельзя терять времени, Сименон Аполлинариевич! – бодро начал я. – Орудия завтра утащат, если уже не озаботились. Придется тогда сразу сюда возвращаться ни с чем. А хочется ответить! Аж зубы сводит! – Коньяк меня горячил.

– Характер у вас, как у покойного батюшки, храни господь его душу, знал я его, тоже огонь и пламень был! Дружили мы юнкерами!

– Дозволяете рискнуть?

– Не позволяю, а приказываю! – сверкнул глазами командир. – В нашем положении славная сатисфакция отходу в горы будет. Сорвете подготовку турок к штурму – честь вам и хвала. Несколько дней нам продержаться нужно. Генерал Драгомилов на выручку идет. Ступайте, голубчик. Готовьтесь. Военная история пишется генералами, а исполняется поручиками. Получится – вся слава мудрому генералу, нет – какой-то поручик оплошал.

Вернулся к своим, построил, рассказал задумку, кликнул охотников. Откликнулись все. Даже не ожидал такого. Почувствовал в этот момент единение. Растрогался, но не долго ходил вдоль шеренги.

¹⁶ «Клюква» – самый распространенный боевой крест в армии. Анна четвертой степени предназначалась для награждения только за боевые заслуги (самый младший офицерский орден). Крест на эфесе холодного оружия и темляк из орденской ленты («клюква»).

Отобрал из охотников три десятка, объяснил задачу, договорились о сигналах. Взводный фейерверкер разбил команду на десятки. Десяток на орудие. Маловато, но нам только замки поставить и выстрелить один-два раза, а дальше как Бог даст.

Когда голубиным крылом сумерки стали размывать детали, скрытно, тремя группами, стали спускаться к подножью горы. Пластуны уже лежали у знакомого валуна, негромко перешептываясь о своем.

Николай поведал, что казаки собирались делать. План прост оказался.

– Своих убитых турки забрали и похоронили, русских хоронить будут завтра, а ночью, как у них водится, наведаются мародеры.

Вот на них и решили поохотиться казаки. У каждого свои трофеи. Казак снова посмеивался в усы. Только на сей раз недобро. Я рассказал им свой план.

– Что если турок забрал ваш огневой припас? – Казак хитро прищурился.

– Солдат верну назад.

– Расскажи, где он должен быть.

– Я с вами пойду, сам все осмотрю и решение приму.

– Гриц, мы мороковали¹⁷, чего запалить, чтоб турок всю ночь побегал, а офицер им шершня в портки хочет запустить, нужно подмогнуть. Поручик, сзади будешь держаться, шагах в тридцати. Как дважды филином прокричу, вот так, – он угукнул, – тихо не спеша двигай к пушкам. Своим-то, как сигнал дашь?

– А ты три раза угукнешь. – Я пожал плечом, потому что больше ничего в голову не приходило.

– Смел ты, поручик, а без пластунов обойтись не можешь! – казак заулыбался.

– На вас только и надежда. Господину генерал-лейтенанту так и доложил.

Понравились слова мои казаку. Блеснули глаза в полумраке. Зашутил сразу, разыгрывая действие:

– Грицко! Слышь, генерал хочет дочку за тебя отдать, без сватовства. С цыцками як кавуны.

– Це ему заместо медали! – оценил шутку кто-то из пластунов.

– Да шо медали? Креста! – отозвался другой.

– Та нехай, – согласился, подумав, серьезный Грицко. Застыл как та каменюка, не шелохнется. – Дюже люблю кавуны¹⁸.

Казаки тихо прыснули, давая смешки.

Лежали тихо. Земля медленно остывала. Большой шар луны светил ясно, как люстра. Воздух свежел, гонимый легким ветерком, принося из лагерей запах пищи, немытых тел и свежих ран. Как только звонкие трели сверчков стали оркестром раздаваться со всех сторон, тронулись. Пластуны бесшумно снялись. За ними я, напоследок сжимая локоть вахмистра: не подведи, служивый, тебе вести отряды, у меня другая цель – найти огненный запас. Верный Прохор рядом, старается как может и не пыхтит, словно в молодость свою вернулся. Под ногами земля волнуется, как у пьяного – зашкаливает азарт в алой бурлящей крови. Залегли и поползли, прислушиваясь к каждому звуку. Непривычно. Прохор сразу сдал, сопел, как паровоз на Царскосельской железной дороге. Как там пластуны? Работают с мародерами? А может, в засаду попали? Не слышно и не видно. Я не мог найти себе места. Слушал землю, припав к ней ухом. Слушал звуки вокруг. Смотрел, как на луну летают стрелами летучие мыши. И все-таки пропустил филина, а Прохор – нет. Старик, первым услышав, дернулся всем телом, повернулся ко мне, делая страшные глаза, закивал в сторону позиции. Пора.

¹⁷ Мороковали – обсуждали.

¹⁸ Кавун – в данном случае размер арбуза.

Тела моих павших солдат лежали темными горками там, где застал их смертельный час. Показал Прохору, чтоб оставался на месте, пополз к орудиям. Заметив неясное шевеление, пополз туда, достал смит-вессон. Сердце бешено заколотилось от предчувствия. Мародеры! Сорвут задумку. Неужто просочились мимо пластунов. Однако обошлось: один из пластунов снимал с убитого турка мундир. Не отвлекаясь, показал мне рукой верное направление. Я и сам различал темную махину пушки. Пополз туда, где должны лежать снаряды. При неудачном штурме Плевны я не сталкивался с турецкими пушками, заряжаемыми с казенной части. На это и был мой расчет. И он оправдался. Посчитав наши снаряды бесполезными для себя, их не тронули. Латунные поросята лежали там, где мы их положили.

Теперь нужно посмотреть, где неприятель. Возле бруствера возились расплывчатые тени. Это что-то мастерили пластуны, хитрые на выдумки всякие.

Турецкие шатры находились там, откуда они утром начинали атаку. Костры прекрасно давали возможность определить дальность.

Но она нам и не нужна, особенная точность. Пальнем шрапнелью пару раз – и назад.

Поймав за рукав одного из ночных охотников, зашептал в ухо:

– Господин пластун, дай сигнал.

Тот сложил хитро ладони:

– Угуу – угу.

Теперь пластун шептал мне:

– Как готовы будете, за три хвилины¹⁹ гукни мне.

– Ничего не понял.

– Мыкола з Варавой там, – махнул в сторону турок. – Подарунки готовят.

– Сюрпризы, понятно, – а... дошло до меня. Перед залпом сигнал своим подать нужно.

Они где-то между лагерем и нами.

– Добре.

Пластун на мгновение блеснул полоской зубов, мол, оценил мое знание их тарабарского языка.

Три темных облака приближались к огневой. Не бесшумно, но, по мне, чрезвычайно осторожно.

Глаза у всех привыкли к темноте, да и на своих позициях канониры и с закрытыми глазами ориентировались отлично. Сердце застучало возле горла как сумасшедшее. Замки установлены. Углы возвышения выставлены.

– Давай сигнал, – уже вполголоса скомандовал пластуну.

Заклекотал казак ночной птицей. Несколько томительных минут – две тени проскользнули над бруствером.

– Ну, поручик, опять расходятся наши дорожки, сейчас чучела выставим, чтоб турки остереглись сразу сюда лезть. Нехай постреляют трошки.

– Что вы за подарунки делали? – решил я сделать приятное казаку, вворачивая для того родное словечко.

– Гати ставили. Колышек заостренный вкопаешь, через три шага еще один или штык. Побежит турок, споткнется на первом, упадет на второй, если не насмерть, все равно не воин.

– Хитро, – оценил я. Николай хмыкнул: – Чего тут хитрого?

– Мы в плавнях²⁰ на кабанов гатями охотимся, – сказал он. – Кабан чует опасность, но гати не дают ему сойти с тропы.

Старший фейерверкер доложил о готовности орудий.

¹⁹ Хвилины – минуты.

²⁰ Плавни – длительно затопливаемые поймы рек и озер и дельты, покрытые зарослями кустарника, тростника, рогоза или осоки.

– Шрапнелью²¹, трубка два. Веер вправо, три.

Таиться больше не имело смысла.

– Батарея, по басурманам, пли!

Три трехметровых факела рванулись к турецким шатрам.

– Шрапнельным, трубка один. Веер вправо два.

Веер – это значит крайнее орудие ставит два деления, среднее два с половиной, следующее – три. Шрапнельная граната взрывается в воздухе, осыпая противника сотнями винтовочных пуль.

– Батарея, пли!

– Замки снять и к своим. Аллюр три креста. Поспешай, братцы.

У противника огни, стоны, крики. Хорошо слышатся в ночи. Прости господи – поторопился! Можно было еще разок взрезать. Теперь остаток жизни жалеть буду. Об атаке на батарею турки пока не помышляли. Слишком заняты собой.

Верный Прохор опять рядом, в руках вертит белую папаху.

– Нашел, батюшка, нашел! – голос старика ликовал.

– Схорони пока за пазухой, пластуны за белую заругают, – не оценил я его радости. Не очень-то хотелось ссориться с казаками.

– Та где эти пластуны. Небось возле турка ползают, пойдем, Иван Матвеевич, одни мы тут остались.

И тут на правом фланге залп из ручных картечных. Страшно представить, что там у турок творится, сейчас бы конных казачков, до Плевны рубили бы нехристей.

– Вот и пластуны отметились, пошли, старый солдат, подождем их возле нашего камня.

– Простите нас, ребяташки, – перекрестился Прохор, опуская голову и не глядя по сторонам на темные холмики павших сегодня товарищей. Назад мы возвращались в полном молчании.

Когда опустились на остывшие валуны камней, почувствовал, как я устал. Колени подрагивали, ветер студил пот на спине и боках.

– Знаешь, Прохор, – я достал портсигар и долго раскуривал папироску, пряча огонек в кулаке, – это, наверное, самый длинный день в моей жизни.

– Нет, Иван Матвеевич, не суди так. Вот выживем, женим тебя, тогда узнаешь про самый долгий день в жизни.

Два дня противник приходил в себя, менял части на свежие, а мы долбили скалы и строили укрепления, используя естественный рельеф.

Начиналась оборона перевала Шипки.

²¹ Шрапнель – вид артиллерийского снаряда, предназначенного для поражения живой силы противника, как правило начинен пулями.

3. Конвой

Сильный порыв ветра прогнул брезент, и из дырки от пули отчаянно засквозило. Маленький дьяволенок стихии хозяином ворвался в офицерскую палатку и тонко и протяжно засвистел в ухо, не особо стараясь выводить мотив. Потом шевельнул шерсть папахи, скользнул по щеке, лизнул по губам холодом и затих в ногах. Зябко поежился. Пристукнул сапогом, отпугивая чертенка, и дальше продолжил бритье.

С тех пор как турки перекрыли перевал, оставив попытки штурма и решив взять нас осадой, к голоду прибавилась новая напасть – холод. У нас не хватало сил пробить осаду, у турок – чтоб уничтожить нас. Три штурма, кроме больших потерь, не принесли результата. Война в горах совсем другая, здесь громадное численное преимущество не гарантирует успеха. Три раза завалив трупам немногочисленные возможные пути, противник откатывался, хотя и нам эти штурмы дорого стоили. Все ждали исхода, противник – сдачи, мы – небоевых потерь. Время работало против нас.

Снег засыпал единственный перевал, по которому мы могли получить помощь и провиант. Голод скоро вместе с холодом начнет уменьшать и так не великие силы русского корпуса.

Новый порыв ветра засвистел в дырку. Звук раздражал. Снова вестовому делать новую заплату.

Только вспомнил о нем, как рядом раздался протяжный кашель Прохора.

– Вот холера! Прицепилась! И не отвяжется, пока не слягу. Так кухню и не увижу. А похлебать горяченького-то хочется! Или, например, кашки поесть. Чтоб разваренная была и без мяса. Не надо нам мяса. Мы и постной кашке рады будем.

– Что там, Прохор? – встревоженно спросил я, не выдержав сетований, старик как займет, потом не остановишь.

– Иван Матвеевич! Гости к вам, – старик зашелся в новом приступе. Я покачал головой. Прохор за последние дни сильно сдал, высыхая на глазах. Я и сам сделал новые дырки в ремнях, постоянно чувствуя голод, и тревожно ждал момента, когда меня свалит с ног простудная болезнь.

Поспешно стер остатки мыла со щеки. Глянул в зеркало на свои покрасневшие глаза и поспешил выйти из палатки. У входа стояли давние знакомцы. Пластуны Николай и Григорий. Первый улыбался, топорща усы, и не было такого ненастья, которое бы его сломило. Весь его вид показывал, что казак рад встрече. Второй равнодушно сплевывал шелуху семечек в сухое крошево серого снега, коротко кивнул и спокойно стал отсыпать Прохору в подставленный карман жареного угощения. Глаза у вестового заблестели, радуется подарку. Да, с такими поставками и семечки будут казаться царским угощением.

– Старик, у тебя же горло! – не удержался я. Что делает? Это как наждаком по живому. Совсем разум от голода потерял. Да и неловко мне стало: объедать казака – дурные манеры. Прохору-то все равно, а мне стыдно за него.

– А я не для себя! – возмутился старик. – Я для вас!

– Тем более не надо. Может, у Григория последняя еда.

– Та нехай! – отозвался суровый казак и сплюнул шелуху. – Не последняя.

– Удачи в вашу хату, ваш бродь, – поприветствовал Николай. – Спаси Христос.

– И тебе не хворать! Чаю? Прохор, организуй кипятка.

– Да где ж я его возьму... – закручинился вестовой. – А заваривать что станем? – забурчал привычно неслышно, но все услышали.

– Благодарствуем, поручик, но дело у нас спешное, оттого важное.

– Какое? – я весь подобрался. Пластуны просто так объявляться не станут. Всегда чем-то заняты.

– Знаю, что пушек у тебя нет. Да и не нужны они нам. Хотим другого попросить.

– Пороху?

– Есть у нас порох, – рассмеялся казак и посерьезнел, – нет веревок. Не хватает нам длины до земли. Вылазка срывается. В лагере еды почти не осталось. Сегодня солдаты на троих паек делят. Есть местечко, где потаенно можно на дорогу попасть, может, разживемся провиантом.

– Есть у меня веревки. Хорошие, крепкие, проверенные. Дам. С одним условием.

– Хозяйственный у нас поручик, – подсказал Прохор и закашлялся.

Казачи переглянулись, хмыкнули.

– Так еду еще добыть надо, а потом делить! Это как про шкуру неубитого медведя!

– Ну, пане поручик, – разочарованно протянул Грицько и отвернулся от меня, словно разуверившись во всех людях окончательно.

– Да я не про то. – Я поморщился. Как такое подумать могли? – Меня с собой берите. И не смотрите на меня так! Берите, берите!

– Да ты шо! Да на кой это вам! – не удержался Николай, глаза его округлились. – Поручик! Там до земли пропасть. И внизу одни камни! Убиться проще, чем пулю себе в висок пустить.

– Надо мне! Я вам имущество казенное даю, отвечаю за него головой. У меня журнал! Понимать должны.

– Понимаем. – Казачи закрутили головами. Тут с голода все пухнуть скоро начнут, а он журнал ведет. Я улыбнулся, открывая основную причину:

– Да и засиделся я. Надоело от холода дрожать. Руки соскучились по дрожи оружия. Берите!

– Грицько, та кажи ты ему! – занервничал Николай, пугаясь такой мысли. Даже испариной покрылся, а усы непривычно стали топорщиться. Не понимал он, зачем поручику рисковать, если мяса добудут или еще чего, то всем поровну будет. Сиди да жди только.

Я посмотрел на жилистого казака. Наши взгляды встретились. Потом Грицько пожал плечом, сплюнул шелуху и сказал:

– Та нехай.

Первый ужас после шага в бездну прошел. Мимо пролетела птица – показалось, чуть не задела крылом. Резанул ветер по глазам. Зажмурился. Необходимость постоянно отталкиваться от скалы постепенно вытеснила страх и ужас. Вережки толстые, связаны вроде надежно. Прохор бросить меня не даст. Скорее сам свалится. Знай отталкивайся руками и ногами от вертикальной скалы, а то физией по камням не бог весть какое счастье. Это сверху казалось, что скала ровная, первый же десяток метров спуска развеял это заблуждение – тело саднило от ушибов. Примерно на трети я приналовился и даже стал поглядывать на Грица, спускавшегося метрах в двадцати левее. Иногда, когда приходилось обходить выступы, довольно чувствительно встречался со скалой боком или спиной. Один раз после такого выступа веревка закрутила меня, сначала в одну сторону, потом в другую. Я немного потерялся. И только удар в ступни и сразу же приземление на пятую точку откуда-то издадека принесли мысль о конце спуска.

– Отчипляйся швидче²², ваш бродь! – Григорий бежал ко мне. Его веревка быстро змеилась вверх. – Давай! Давай! Не на прогулке!

Он помог мне развязаться. Три раза дернул за конец – веревка стремительно поползла к небесам. Миг – и нет ее. Только громады вокруг высятся, с уступами неприступными. Облака так низко сегодня, вершины скрывают.

– Пане поручик, – казак вернул меня в действительность, не дав созерцать дольше, – сховаться треба. – Он показал на грудку камней, лежавших возле скалы. Спрятаться, от кого? Горная дорога шла вдоль отвесной скалы, с другой стороны обрыв от двух до трех метров.

²² Швидче – быстрее.

Там горная река. Не широкая, но полноводная. Шумит живая вода, искрится – не застойная. Испить захотелось сразу. Подумать только: с настоящей чистой водой, а не топленным снегом.

Устроившись за камнями, почувствовал, как замерз. Когда спускался, казалось, ветер продувает со всех сторон. Здесь тоже дуло. И хоть камни защищали, очень скоро у меня зуб на зуб не попадал. Шинелька хоть не овчинный тулуп, но и она осталась наверху. Несколько камней упало на дорогу. Следующая двойка начала спуск.

– Григорий, холодновато. Не правда ли?

Он посмотрел на меня как на неразумного капризного ребенка.

– А может, и показалось мне, – согласился я, отводя глаза.

Младший братишка писал. Когда в своей кругосветке стояли три месяца в Японии – укрывались от тайфунов, он знакомился с самураями. Что-то вроде нас, родовитое служилое сословие. Там им и в голову не приходит признать, что они голодны или мерзнут. Ну да это в Японии. Хотел бы я на этих самураев посмотреть здесь, когда третий месяц трясемся и голодаем. Больше ни о чем думать не хочется, только о тарелке горячего супа.

Внезапно на дороге появились два конных всадника, за ними ехал крытый возок, еще небольшая карета, и замыкали кавалькаду два всадника. Рядом с кучерами сидели по вооруженному гайдуку. Итак, на виду четыре конных гвардейца с карабинами, пиками, саблями. Еще двое вооруженных на возках и неясно, сколько внутри.

У меня шесть пуль в револьвере и шашка. У Грица шашка и что-то достает из заплечной торбы.

Ручная картечница! Так, первый возок мы остановим, и дорога будет заблокирована. Второй здесь не развернется. Если казаки успеют спуститься, расклад почти равный. Ехавшим придется нас убить, нам же нельзя никого упустить. Холод куда-то делся, смит-вессон из кобуры. Гриц показывает, что он первый. Киваю, соглашаясь. Со стороны кавалькады раздались крики. Конвой сдергивал карабины с плеч. Заметили казаков на веревках. Двое передних, опустив пики, направились к нашей куче камней. Грамотно действуют. Слаженно.

Гриц выскочил на середину дороги. Опустившись на колени, выстрелил из картечницы. Дым окутал дорогу, закрывая от нас результат. Ветер дул нам в спину. Дым не торопясь отступал, поднимаясь вдоль скалы. Он красиво завивался в круг, но тут стало не до любований. Левого всадника не было видно – снесло в обрыв. Правый вместе с лошадей лежал под скалой. Лошади первого возка умирали вместе с возничим и гайдуком. Удачно.

Я побежал вперед, стреляя в левого заднего всадника. Попал. Правый, хлестнув плетью коня, опустив пику, скакал на меня. Пустой револьвер в кобуру, шашку вон. Занимаю позицию возле скалы. У противника не будет маневра в эту сторону. Пика зажата очень жестко. Сбить в сторону не получится.

Страшно, поручик? Ладонь вспотела. Пять метров до кончика пики.

Метр!

Шашку вперед и вверх. Одна треть изогнутой стали скользит по внешней стороне пики, прыгаю вперед влево, срезаю пальцы супостата, удерживающие пику. Нарываюсь грудью на его ногу. Вместо того чтоб подрезать заднюю ногу лошади, лечу в сторону пропасти, чудом или ангелом-хранителем удерживаюсь на дороге. Но дух басурманин из меня выбил. Не в силах двигаться, медленно заваливаюсь на спину. Турок тоже в седле не удержался. Лошадь все-таки слегка подалась влево и протащила всадника ногой по скале. Резко остановилась перед нашей засадной грудой, сбросив обезноженного всадника прямиком спиной на валуны. Гриц только облегчил его страдания.

Он поймал повод и, успокаивая лошадь, легко похлопывал ее по шее.

– Еще двое, – пытаюсь восстановить дыхание, хрипел я. Поднялся сперва на одно колено, на четвереньках доковылял до шашки.

Слава богу, лопнул темляк, а то отрезал бы себе что-нибудь, пока кувыркался. Папаху тоже подобрал, водрузил на почему-то вспотевшую голову. Она тут же слетела, а по скале зазвенела пуля. Откатился за первый возок.

Да что ж этот головной убор никак у меня не желает держаться там, где ему положено.

Как ни странно, но последний маневр вернул мне дыхание.

Раздалось несколько винтовочных выстрелов, затем, после револьверного, стрельба закончилась. Возле второго возка топтался возница с саблей. Пластуны болтались около пяти метров от дороги. Хоть у Николая блестел металлом револьвер, я поспешил к вооруженному турку. Тот решительности не проявлял, но саблю не бросал. Однако когда между нами оставалось метров пять, с криком бросился на меня, высоко подняв руку.

Тот еще мастер. Легко отбив, вернее, направив этот удар по безопасной для меня линии, разрубил ему кадык.

Григорий привязывал лошадь к первому возку, когда дверка открылась, и оттуда высунулся обнаженный кривой клинок. Затем появился упитанный господин почтенного возраста. Черный мундир с серебряными эполетами и широкий серебряный лампас. Красная феска. Важный чин, похоже, попался.

Гриц пошел на него медведем.

– Не вбивай, в полон визьдем, – крикнул спустившийся Николай. Казак быстро отвязал веревку и уже шагал к нам скорым шагом. Он молниеносно оценил обстановку.

На неуклюжий выпад толстячка казак ответил молниеносным ударом сверху по клинку. Не элегантно, но выбитая из руки сабля зазвенела по камням. Запрыгала. Затихла в расщелине. Удар кулаком в живот, и вот поясом позорно вяжем поверженного, Грицко связал руки басурманина за спиной.

Отдышавшись, турок залопотал на плохом французском:

– Я, Мухмензаде-баши, родственник Великого Визиря, третий человек в Плевне после губернатора и Осман-паши, командующего Третьей турецкой армией. – Генерал сделал паузу, грозно сводя брови. Дальше в голосе появился страх и дрогнул от фальши: – Вы, видимо, не знаете, но к нам в плен попал раненый полковник Бикша, власти султаната обменяют его на меня без всяких финансовых требований.

– Конечно, обменяют! Но об этом, уважаемый баши, вы будете говорить с командованием русского корпуса, вас же поймали казаки, у них свои условия.

Турок побледнел. Спесь его сбилась.

– Казаки, – растерянно протянул он.

– Микола, какие у вас требования, – позвал Николая, во всю подмигивая ему.

Николай вытаскивал из возка турчонка лет двенадцати. Тот, увидев своего господина, стоявшего на коленях, проскользнул мимо рук казака, кинулся к нему, обнял, прижался, как бы закрывая его своим тельцем. Рукав овчины был распорот и испачкан кровью. Видать, зацепило картечью.

Я знал турок как умелых, безжалостных воинов, то, что они могут испытывать такие же чувства, как и мы, просто не приходило в голову. Мальчишка плакал и что-то лопотал по-турецки.

Николай вместе с крепышом Гулым подхватили плетеную корзину, видно, с провизией.

– Николай, – опять позвал казака, – тут баши поговорить о выкупе хочет.

Казаку объяснять ничего не нужно было, а вот поучиться следовало. Оставил обыск на других, пошел к нам. На ходу вытаскивая кавказский кинжал, соорудив зверскую рожу, казак громко закричал:

– Гриц, проверь карету.

О чем он? Ну да, турок-то по-русски не понимает, а дела не ждут. Подняв кинжал, встопорщив усы, он опять закричал:

– Отойди, поручик, сейчас я ему сектым буду делать! – Да так натурально, что по спине у меня холодок пробежал. Ну вот так и делают евнухов: скоро и без лишних движений.

Я вроде кинулся его удерживать, шепча:

– Важный турок, родственник самого визиря.

– Брешет как собака, как их прижмешь, все родня самому султану, – так же тихо шепнул в ответ пластун и, снова посмотрев на пленного, оскалился и зарычал по звериному. Я с удивлением посмотрел на него. Но как ни странно, это возымело на баши большое действие, турок струхнул еще больше. Мальчишка зарыдал, подвывая. Микола удовлетворенно выдохнул, не сумев скрыть радость от спектакля. Я тоже, признаться, выдохнул. Надо готовиться к действиям и подыграть. Баши забеспокоился, крутясь на месте, начал кричать, что заплатит казакам любой выкуп. Глаза его были полны слез. Руки подрагивали.

– Двести золотых лир и пятьдесят баранов, – рявкнул пластун.

Турок заупрямился, беря себя в руки. А поторговаться? Вытер глаза рукавом. Рявкнул не менее зло, желая контролировать ситуацию:

– Сто монет и сорок лучших баранов! Таких ни у кого нет! Лучшие бараны, я тебе говорю! Сам из рук кормил! Бери и уходи, пес.

– Я тебе дам пса, – прошептал пластун и снова зарычал:

– Двести золотых!

– Сто двадцать и пятьдесят баранов! От сердца отрываю! Жен голодными оставляешь! Дети по улице ходить будут, милостыню просить! На что обрекаешь?! Не гневай Аллаха!

– У меня свой бог. – Пластун что-то задумал, на секунду замерев, улыбнулся. Баши показалось – очень недобро. Занервничал.

– Хорошо. – Николай оторвал мальчишку от господина и резко приставил к его горлу кинжал.

Турок забеспокоился, племянник, что ли, или соседский мальчишка. Глаза его тревожно забегали по нашим фигурам, остановились на мне:

– Если казак убьет мальчишку, кто выполнит его требования? Скажи, чтоб не убивал! Давай дальше торговаться! Прояви уважение!

– Спроси, если мальчишка ему дорог, за сколько золотых он ставит его жизнь. – Микола сразу сообразил, в чем дело, и опередил мой вопрос.

– Два барана слишком много за никчемного мальчишку, но так как он к нему привык, готов отдать десять баранов.

Не убирая кинжал, Николай крутанул дрожащего мальчишку в одну сторону, в другую, попутно подмигивая мне.

– Может, хоть хлопчику сектым сделать, – как бы советуясь, спросил у Гулого.

– Тридцать баранов! – закричал турок. – Тридцать!!! Так много, что по миру пойду!

– И пятьдесят золотых.

– Сто семьдесят лир и восемьдесят баранов – это целое состояние! Сто двадцать золотых! Больше не дам! Ни монетой больше! И восемьдесят самых лучших баранов!!!

– Ну-ка, поручик, погуляй, – пластун махнул мне рукой. – Что-то затянулся разговор. Тут что? Базар, что ли?

– Согласен, – выдохнул баши, вытирая капли пота с толстого лица, и все начали успокаиваться. Мальчишка перестал плакать, Николай убрал в ножны кинжал, и лицо его опять приняло добродушно-отстраненный вид, турок же, наоборот, принял вид высокомерный, хотя продолжал стоять на коленях.

– За карету платить не буду, – по-деловому сказал пленный, окончательно беря себя в руки. Былая надменность стала возвращаться к толстому турку.

– Гриц, чего ты там топчешься? – Микола повернулся в сторону друга. Тот казался смущенным, еще больше потемнев лицом. Покраснел, что ли? Очень странно. Что его так могло в краску вогнать? Какая сила?

– Сам подывись, – буркнул под нос пластун. Мне тоже стало интересно. Что так могло смутить бывшего служивого?

Мы с Николаем подошли ближе, казак осторожно открыл узорчатую дверку кареты, потянул и широко улыбнулся:

– О, – протянул пластун, обрадовавшись. – Здоровеньки булы²³.

И заулыбался, словно солнышко.

Очаровательная турчанка в европейском платье испуганно забила в угол мягкого дивана, прячась в красных подушках с золотыми кистями. И сразу отрицательно замахала головой, закрывая искривленный в спазме рот тонкими руками. Я откашлялся, поправил папаху и сказал на французском, что мадам нечего бояться. Придал голосу как можно больше спокойствия и легкости.

– Мадемуазель, – она автоматически поправила, обозначив свой незамужний статус. Подбородок ее перестал ходить ходуном – начала справляться и брать себя в руки. Большие маслины глаз еще тревожно поблескивали от влажности готовых прорваться наружу слез.

– Куда следуете, с какой целью? Время нынче беспокойное для легких прогулок.

– У меня здесь погиб отец, еду поклониться его праху.

– Достоин уважения, мадемуазель. Время сейчас беспокойное, неблагоприятное для таких визитов. Случиться может всякое. – На самом деле случилось все уже, но пугать турчанку не хотелось, и я как мог закрыл ей обзор спиной на убитых гайдуков и лошадей.

– Война не выбирает время, место. Мы, дети, должны чтить своих отцов.

– Не могу не согласиться. Ваш отец погиб на войне?

– Как герой! – глаза турчанки вызывающе блеснули.

– Достойная смерть. – Я отдал честь. – Мадемуазель, далеко ли вы отехали от турецких военных?

– Последний пост я видела около часа назад.

– Умеете ли вы управлять повозкой?

– Думаю, справлюсь.

– Мы отправим вас назад, но вам придется немного подождать.

– Хорошо. Скажите, а это настоящие казаки?

– Да, мадемуазель.

– Вы тоже казак? – Глаза ее стали еще больше испуганными.

– Нет, мадемуазель. Поручик артиллерии Суздалев, честь имею.

– Я много слышала о казаках нехорошего. Сделайте одолжение, господин поручик, застрелите меня. Я не хочу мучиться: меня все равно изнасилуют и убьют.

– В этом нет необходимости.

– Как нет? Разве моей чести ничего не угрожает?

– Нет, мадемуазель, – я вздохнул. Ну откуда такие глубокие познания у турецкого народа. Казаки – добрейшие люди, вот еды для всех добывают. Бесстрашные воины. – Вас не тронут. Слово чести офицера. Мне жаль, что мы познакомились при таких обстоятельствах.

– Мы еще не познакомились. – Девушка улыбнулась. – Меня зовут Малика. – Она протянула руку в перчатке из тонкой кожи. Быстро, веря каждому моему слову.

– Иван, – я приник к перчатке. Дольше, чем требовал этикет.

– Где вас можно найти после войны, очаровательная Малика?

²³ Здоровеньки булы – здравствуйте.

– Спросите имение Янык-паши под Плевной, хотя, возможно, скоро мы с маменькой уедем в Стамбул.

– Не торопитесь, уважаемая Малика. Надеюсь, скоро смогу нанести вам визит вежливости. Да, и не стоит бояться русских военных.

– Здесь есть еще и болгары, их я тоже боюсь, хоть и живут в имении, впрочем, будем рады увидеть снова отважного русского офицера.

– Извините, мадемуазель, мне нужно идти, служба. А вы пока посидите в карете. Мальчик поедет с вами, поможет с лошадьми и не даст скучать. Кстати, ваше имя на русском значит Молоко.

Казаки уже собрали оружие, теплые овчинные куртки и разделывали убитых лошадей. Николай радостно, как обычно, улыбался:

– Кроме лошадей продуктов нет. Корзинка не в счет. Разделаем по полтуши, дадим сигнал поднимать. Одна лошадь за раз.

– Сперва турка.

– А что с молодойкой будем делать? Хороша... Может, тоже с собой возьмем? Осаду скрасит многим!

– Отпустим перед последним подъемом, нам с мирным населением ссориться не с руки, плохая молва ни к чему. Кстати, верстах в десяти турецкий пост. Так что этой дорогой в долину не пройти.

– Та бильше и не треба, мясом мы до весны обеспечены.

– Иван Матвеевич, возьми карабин, пройди вперед до поворота, чтоб инородцы врасплох не застали, да овчину накинь, мы тебе почище выбрали.

– Слушаюсь, Николай?..

– Мы почти тезки. Вы Иван, а я Иваныч.

Подхватив английскую винтовку и патронташ, побежал по дороге. Пробегая мимо кареты, не удержался и посмотрел на закрытые окна. В узкую щель шторы за мной наблюдали. Сердце учащенно забилося.

Мадемуазель Малика... Молоко... Я увидел сон из сказки: в руках стакан горячего молока, ваза с сахарным печеньем, теплая гостиница, Малика у окна, смеется, слушая мои бесконечные байки... Потом я больно запнулся о камень, чертыхнулся, едва не упав на горной тропе, и поспешил занять место в секрете.

Война продолжалась.

4. Обмен

Пасьянсы не желали складываться. Новенькие карты, принесенные Прохором из офицерской палатки, вертелись в диком круговороте и раз за разом заканчивали игру на пиковой даме. Молодая ведьма мне каждый раз подмигивала, уперев руки в бока, и возвращала все мысли к молодой турчанке, Малике. В очередной раз перевернув глянцевую рубашку вверх, с секунду обозревал знакомый профиль, потом в сердцах сплюнул и, не глядя, скинул колоду. Настроение не улучшилось, вконец пропадая. Отвлечься не удалось. Опять бездельничать, пока солнце не сядет. Вот странно: из еды Прохор принес сигару, а для души вместо книги – карты. Нет больше книг, все пошли на растопку. Грустно. Можно пойти к подпоручику Маковскому поупражняться в фехтовании, отработать пару вольтов с шашкой. Техника рубки шашкой отличалась от той, что нас учили в юнкерском училище на эскадронах, но никакого желания не имелось. Вчера встречались и рубились отчаянно. Полчаса удовольствия и опять тоска. Со сном у меня всегда одна беда, если посплю днем хоть час – бессонная ночь обеспечена. А это опять мысли о дивных черных глазах и голодные спазмы в животе. Пропавшие пропадом! Хоть вой на луну и стреляйся. Безделье тяготило безмерно. Пустая трата времени – сегодня, завтра и через неделю – будет продолжаться до тех пор, пока не откроются перевалы.

– Поручика... к главному артиллеристу.

– Чего орешь, оглашенный, отдыхает он, сейчас доложу, – Прохор зашелся кашлем. – Иван Матвеевич...

– Слышал, сапоги давай.

– Вот не дадут человеку отдохнуть. Ну а спать когда?

– Прохор, дело военное. Понимать должен.

– Да понимаю я, – горестно вздохнул старик. – Кухни и той нет, а сухари как праздник стали. Вот узнала бы маменька...

– И поняла бы, – закончил я мысль с легкой улыбкой. Вестовой зашелся в кашле, прослезился от натуги, кивая.

Понимание, что ничего не могу сделать для верного слуги, доводило до бешенства. А выплеснуть этот огонь было некуда. Не рубиться же с Маковским насмерть. Сидение – это голод, холод и скука. Даже офицерская обязательная ежевечерняя игра тихо умерла. Проигрывать и отыгрывать одни и те же перстни, портсигары стало скучно. Под будущее жалование решили не играть – будет ли это грядущее?!

Сняв серые меховые бурки, надел уставные сапоги, начищенные как на парад. Покрутился, снова вздыхая.

– Вот ведь как, Прохор, выходит. Пушек нет, а главный артиллерист есть!

– Ну а как же, батюшка, на то она и армия, порядок должен быть. Устав. Вот кухни нет – непорядок. Дело-то серьезное. Куда смотрят вольнонаемные.

– Вниз, – подсказал я.

– А куда им остается? Только вниз и остается! Ждут чуда. А я вот как рассуждаю: у нас самый что ни на есть порядок! Вон вы журнал ведете каждый день. Образцовый офицер. И если бы кухня от вас зависела, то давно бы была. И заварка. И каша. Еда, в общем.

– Какой же, к чертям, порядок – скоро забудем, с какой стороны к орудию подходить. – Под мои слова старик горестно вздохнул и зашелся в новом приступе, трясая поблекшими седыми кудрями. Обрить надобно, не дай бог вши заведутся, а там и до тифа полшага. Передохнем не за понюх табака. Прохор тяжело переносил осаду. Не доживет старый до конца. Трудно ему. Видно, что дни пошли в тягость.

Вспомнился последний бой. От удовольствия запылали уши. Накосили тогда иноверцев! Такая война по мне. Умереть – так со славой. Скорей бы уже что-то изменилось в этом однообразном сиденье в горах.

Притопнул одной ногой, другой. Щелкнул каблуками. Вскинул руку в приветствии, отдавая честь.

– Ах, как хорош! – разулыбался старый слуга, оживая. – Орел и сокол. Возмужал! Маменька-то как рада будет.

– Да ладно тебе! – смутился я.

– Истину говорю: орел, да и только! Женить осталось. Уж очень мне хочется на свадьбе вашей попить.

А я на миг представил себя. С легкостью взлетаю, по ступенькам дворянского собрания. В белой папаше, с белым Георгиевским крестом. Звеня серебряными шпорами, двумя пальцами придерживая турецкую пашку. Небрежно сбрасываю лакею папаху. Через весь зал прямой как струна иду к маменьке. Целую ей руку. Опускаюсь на колено, чтоб она могла поцеловать меня в лоб и кожей ощущаю взгляды полсотни женских глаз.

Эх, где эти очи, где кринолины²⁴ всех цветов. Живым бы выбраться. Тут или от скуки, или от пули умрешь. Или от разговоров о еде верного вестового Прохора.

Первый сочельник вне дома. Волна легкой радости мгновенно улетучилась, оставляя прежнюю печаль, скуку и тоску по дому. Хоть бы на миг оказаться в мирной жизни. Почему раньше не ценил?

Ветер сегодня дул сухой. Осевший снег покрылся ледяной коркой. Острые льдинки мгновенно сгрызли парадность сапог. Когда подошел к палатке подполковника Жигальцова, блеск остался только на голенищах. Холод пробрал до костей. Озяб так, что горло свело. Пальцы не чувствовали легких перчаток.

– Доложи, братец, поручик Суздаев, – хрипло обратился к пронырливому вестовому. Тот с готовностью закивал в ответ: сейчас, в лучшем виде, непременно. Но его опередили.

Из палатки донеслось сухо, как выстрел:

– Заходите, поручик. Ждем-с.

Не понравился мне тон, каким это было произнесено. И эта «с», и «ждем-ссс». Что за разбор предстоит? Поди, узнали про веревки. Так вроде все вернули. Ничего не потеряли. Недолго думая вошел вовнутрь, вестовой учтиво придержал полог и сразу захлопнул.

Кроме Жигальцова в палатке дымил своей неизменной трубкой с длинным тонким чубуком атаман донской полусотни подьесаул Никифоров. Оба явно не в духе, чем-то озабочены. Глядели на меня строго.

– Вчера через позиции неприятеля к нашим постам вышел турецкий подросток. Через толмачей-переводчиков уверяя, что имеет личное устное послание, добился аудиенции с господином генерал-майором. Командующий узнал, что плененный вами баши должен еще и выкуп пластунам. Подумать только! Вы что там удумали, действуя за спиной? Завтра долг вернут! Генерал пришел в такую ярость, что даже хотел отозвать представление на Георгиевский крест и золотое оружие для вас, но баши, как там его, не выговоришь, уверил, что вы касательства к этому не имели, и наоборот, вели себя прекрасно, ничем не запятнав офицерской чести. Кстати, почему подробно не доложили о сем приключении?

– Помилуйте, Михаил Юрьевич, после нашего возвращения все были так озабочены приготовлением блюд из конины, что меня никто не вызывал с докладом, а в последующем разговоры о рейде можно было принять за пустое бахвальство.

– Конина, теперь бараны. Вы понимаете, господин поручик, что скажет государь император, если узнает, что русская армия торгуется с неприятелем о выкупе невоенного чиновника?

²⁴ Кринолин – жесткая структура, предназначенная для придания юбке требуемой формы.

– Я думаю, что государь император не порадует, когда узнает, что Русский корпус перелом от голода в чужих горах. Пластуны мне не подчиняются. Приказывать им я не могу, а препятствовать в той обстановке и не мог, да и не хотел.

– Я тоже, – подесаул встал во весь рост, оглаживая иссиня-черную бороду.

Жигальцов резко повернулся к нему, походный стул под ним скрипнул.

– Потрудитесь объясниться, что значит «я тоже».

– Не могу приказывать пластунам. Они в некотором роде волонтеры. Прибились к нам под Плевной. Из Сербии возвращались. Денежного содержания от казны не получают. Казачки мои решили скинуться из своего денежного содержания, чтоб у них не меньше нашего выходило. А что провианта касается, если б не пластуны, так уже казачьих лошадей ели бы, опять же, с баранами до весны легко продержимся и боевой сноровки не растеряем.

– Однако ж, господа, честь русского офицера... А впрочем... Завтра к восточному склону прошу, – он показал на карте, – через турецкие позиции прогонят отару баранов, принять ее должны пластуны, но вы, господа, обеспечьте беспрепятственное прохождение в наше расположение. Вы, господин подесаул, как казачий атаман, ну а вы, Иван Матвеевич, с самого начала сиденья вляпались в странную связь с этими пластунами – вам и расхлебывать. Однако русских офицеров турки видеть не должны. Это приказ. Не забываем про честь, господа. А вы, Иван Матвеевич, думайте еще и о будущей карьере: с Георгием всегда приходит новое представление в чине – не стоит забывать правила, ваша дальнейшая судьба зависит от мелочей. Все, господа, более не задерживаю.

– Прошу ко мне, – степенно пригласил казак, когда вышли на бодрящий ветерок. – Второго дня пластуны в рейд ходили. Болгарской брынзы принесли и горилки местной. Ракии. Дрянь, конечно, но крепка. Или, может, шампанского, как привыкли? В офицерской палатке видел не початый ящик.

– То на победу, – сказал я. – Берегут строжайше.

– Тогда ракии, но дрянь редкостная, предупредить должен вас, поручик. Не побрезгуете?

– Нет. Пил уже да халвой закусывал. Привыкнуть просто нужно. Пластуны у вас?

– Рядом бивак разбили. Видел их бурки.

Атаманская палатка удивила теплотой и уютом. На стенах шкуры, под ногами войлок. Печка обложена камнем. Сделано все добротнo. Такую печку один раз прогреть, потом только поддерживать. Снаружи палатка обложена снежными кирпичами.

Выпили пахучей водки, закусили водянистым козым сыром. Лучше, чем с халвой. Я запомнил.

– Не в одном походе я участвовал, но такого сочельника, как здесь, не припомню, да и поста такого тоже. Если с баранами не выйдет, начнем лошадей казачьих резать. Для станичников это хуже смерти. С ужасом жду, что тут произойдет, когда будет решаться очередность забоя лошадей. Пока обозных резали, еще так-сяк кривились в лицах служивые, а строевых... Выть начнут да безобразить. Большинство своих лошадок еще жеребятами помнят.

– Не следует печалиться о том, что еще не случилось. Как завтра действовать собираешься, господин атаман? – Не по нраву мне были разговоры о кухне и пище – других тем, что ли, нет?

– Склон этот восточный удобен для турок. Вход широкий, выше переходит в теснину. С двух сторон узкие кручи. Обороняться там удобно. Есть места – больше двух баранов не прогонишь. Я пошлю пяток своих станичников на кручи, но казаки в долинах – орлы. А вот к горам и пешим стычкам не привыкшие. Утром скрыто своих выставлю ниже привычной линии сажень на сто.

– Это за верхним сужением? – догадался я.

– Выше, гораздо выше. Вам придется, поручик, спуститься вместе с пластунами до конца ущелья. Принять выкуп и вести отару в лагерь.

– Вроде просто все.

– Война. На ней просто не бывает. Даже с баранами. Эта канитель на целый день растянется, а предугадать заранее все не сможем. Почему они этот склон выбрали, никак в толк не возьму. И так карту смотрел, и так вертел. Не вижу ответа. Может, чтоб мы помучились.

– Возможно, потому, что здесь резервисты стоят. Низам такой выкуп через свои позиции просто не пропустит. Хоть сам султан прикажет.

– Может и так. Еще по одной?

– Давайте, господин подъесаул, и пойду я. Тут подмигивали мне у одного костерка, пока к вам шли. Увидели.

Казак завертел сокрушенно головой.

– Увидели! Чем же ты так по нраву пришелся пластунам, поручик? Люди они своеобразные, к себе чужих не подпускают, офицеров не жалуют и не признают. Закрытые сильно. Держатся особняком. Вроде для всех стараются, а к себе никого не подпускают. А тут ты, поручик, раз – и задружился с пластунами. В чем секрет?

– Да особо я и не старался нравиться. Судьба свела. Общаемся по-людски, вот и доверие есть.

– Тогда давай за доверие и за удачу. На коня и иди с богом.

4.1

На том и разошлись. На свежем воздухе защекотало нос. Казаки готовили на кострах. Что только? Живот свело судорогой.словно и не ел брынзы. Замер. Приглядываясь. Прислушиваясь. Нет, не показалось. Поют люди. Возле одного из костров казаков больше. Лежат и сидят на бурках. Один привстал, мешает в котле, разливает половником в протянутые миски. Другие подпевают недурному тенору. Песня незнакомая. Красивая. Тихо потрескивают сучья. Искры летят к низким облакам. Красно-оранжевое пламя лижет темный котел, вырываясь языками иногда в синь неба.

– Ты не лякайся²⁵, что ноженьки босые змокнут в холодную росу. Я ж тебэ, сердонько, аж до хатыноньки сам на руках виднесу.

Один из сидящих увидел замершую фигуру. Поднял руку, привлекая внимание. Коротко махнул, приглашая. Пошел, боясь потревожить красоту момента. Чем ближе, тем явственнее различил Грицько. Он не опускал руку, пока не удостоверился, что я иду в нужном направлении. Потом подвинулся, давая место, сунул в одну руку ложку деревянную, в другую тарелку с очень жидкой мамалыгой – кукурузной кашей. Коротко кивнул, чтоб ел. Сам сдвинул папаху на глаза, замер камнем. Сидели так долго. Слушали нескончаемое пение. Седой казак играл на какой-то бандуре, Сашко Гулый тоненько выводил на самодельной дудочке. Потом Николай подсел.

– Завтра к восточному склону прогуляемся, – сказал я пластуны.

– Слышал уже. Знаю все. Остался бы ты, ваше бродь, с подъесаулом. Зачем тебе к баранам лезть. Не графское это дело. Зачем вам лишние хлопоты и заботы? Ну а вдруг пружок какой?

– Что? – не понял я. – Какой еще пружок²⁶?

– Вот холера! – казак стукнул себя ладошкой по коленке. – Гриц, як на русский пружок? На языке вертится – и забыл.

Долговязый казак задумался:

– Мабуть, ловушка?

– Точно! Вдруг там ловушка какая, поручик? Рисуем нарваться!

²⁵ Ляк – испуг.

²⁶ Пружок – ловушка, засада.

– Мне с вами сподручнее, – я улыбнулся. – Мне с вами спокойнее.

– Грицько, слышал? С нами спокойнее, – казак, как всегда, обратился к своему другу, вскидывая чубатую голову. – В первый раз такое слышу. Ну что ты будешь делать с барином?

– Та нехай, – ожил каменный воин, махнув небрежно рукой. – Похамыляет с нами трошки. Главное, чтоб ляка не поймал.

Я невольно напрягся, прислушиваясь к непонятному иногда наречию.

– Нехай так нехай. Чтоб не высовывался, поручик. Договорились? И если шо, не журись²⁷ потом, понял?

– Частично, – согласился я, кивая для верности, основную суть-то уловил.

– Точно понял? – настаивал пластун.

– Само собой. Черкеску мне старую найдете? В штабе сказали, чтоб никаких офицеров на задании не было.

– Да у нас их отродясь не было, – казак снова блеснул зубами, скалясь в темноте, потом уже серьезно добавил: – Конечно, найдем тебе одежду. Револьверными патронами, Ваня, не богат?

Это давно забытое, какое-то домашнее «Ваня» резануло по ушам. Я даже не сразу понял, что ко мне обращаются. Вникал пару секунд, обдумывая, как реагировать. Опыта общения с солдатами во внеслужебной обстановке у меня не было. С ними общались фейерверкеры. У фейерверкеров свой круг общения, и верховодит ими взводный, какой поудалее, и вне воинских занятий эти круги не пересекались.

Мои батарейцы тоже пели возле костров, но мне и в голову не приходило посидеть с ними. Мог, конечно, постоять рядом, пока не погаснет папироса, но не больше. Даже к разговорам не прислушивался – не интересны.

А что я знал об этом Миколе? В каком звании он будет в императорской армии, может, постарше меня. У кого узнать? Если пришлые они? Сами себя прикомандировали к полусотне, которая на них же и сложилась вскладчину. Живут обособленно и никого к себе не подпускают, скрытые казаки. Пока сам не расскажет – не узнаешь.

– Так что с патронами? – выдернул из сословных размышлений Николай, теребя край саквы.

– Около сотни есть.

– Это дело! Пошли, заодно переоденешься и деда своего замечательного, как там его?

– Прохор.

– Предупредишь деда Прохора, чтоб не лякался, спать у нас будешь. Завтра выйдем до зари. Сашко, собери гостинчик хорошему человеку и приготовь харчей на завтра для пятерых.

Через несколько минут мы шли в сторону артиллерийских палаток.

Почти одновременно заметили, что ветер резко поменялся. Он стал теплым.

– Сейчас потечет, а к утру подмерзнет, пешки пойдем, – сказал Николай, делая для себя выводы. – Крестом²⁸ пойдем. Мы с тобой в голове. Гриц и Гулый – плечи. Гамаюн сзади. Он и погонит отару. Мы оберегаем.

– Сколько патронов взять?

– Все.

– Зачем так много? – изумился я, сбиваясь с шага.

– Поручик, ты ж военный человек – должен соображать по-военному. Битвы под Бородино здесь не будет, но небольшой отряд янычар может пробраться за отарой. Дальнобойная, но медленная винтовка здесь не пригодится. А пара револьверов позволит каждому выпустить

²⁷ Журиться – жаловаться, печалиться.

²⁸ Крест – тактическое боевое формирование малой группы.

двенадцать пуль за десять ударов сердца хоть с места, хоть на бегу. Двенадцать секунд на перезарядку, еще двенадцать пуль. Свинцовая стена! В горах Греции и Сербии это сразу поняли.

– Я тоже понял, сейчас зайду к подпоручику Воронцову, у него попрошу.

Через минуту передал Николаю коробку с пятьюдесятью револьверными патронами.

Еще сотню рассовали в моей палатке.

– Ну как же так? Меня берите! – причитал Прохор, помогая собираться. Старик закашлялся, аж слезы из глаз выступили. Николай покачал головой.

– Надо барсука добыть. Барсучье сало поможет.

– Возьмите, а? – неуверенно предложил Прохор, с мольбой глядя на казака.

– Да ты кашлем всех турок перелякаешь. С кем тогда воевать? – и серьезно добавил: – Нельзя, дидык, не до тебя будет.

– Прохор, – я покачал головой.

– Иван Матвеевич, но как же я вас одного отпущу? Вы же дитя малое! Встряпаетесь, а мне потом как перед барыней держать ответ? Графиня сурова. Забьет розгами.

– Не наговаривай на маменьку! – возмутился я. – Она в жизни никого не обидела, и перед бабушкой всегда за дворню заступалась.

– Иван Матвеевич... – плаксиво просил Прохор.

– Диду! Да не нойте. Тошно слушать. Да я за ним присмотрю. Слово даю. Не пропадет твое дитяtko. Мы же за баранами идем! Туда и обратно! Еще спать будешь, а мы уже вернемся.

Прохор насупился. Заиграл седыми бровями.

– Смотри за ним, Микола! Обещал мне! С другим бы не отпустил. А раз сам вызвался присмотреть, то отпускаю. И я когда надо – не кашляю. И я тебе не дидык! Я, между прочим, при графьях пятый десяток. Я...

– Не кашляй, ди... дядько Прохор. Не кашляй. Вернусь – принесу тебе сало барсучье и верну барина целехонького.

– Каким берешь, таким и возвращай.

– Само собой.

Прохора Микола заставил съесть кусок сыра, а потом выпить стакан самогона, оставил тонко нарезанной копченой конины.

– Ложитесь, диду. Мясо в рот, оно долго рассасывается, вы все равно не откусите – зубы-то ослабли.

– Ослабли, шатаются.

– Сейчас кутайтесь в одеяла – и спать. Иван Матвеевич у нас переночует.

Видя тревогу в глазах, сказал:

– Даже не думай! Забудь просить! Не возьму! Разок кашлянешь не вовремя – всех выдашь к чертям, все сорвется. Да не журись, старый, овечек встретим – и домой. Всего и дел – спуститься, подняться.

А верный дядька уже почти спал. С голоду быстро опьянел. Да и болезнь брала свое. Похлопал для приличия красными веками, да и захрапел. Тяжело и надрывно. Уложили, укрыли одеялами.

Я скоро переоделся и переобулся. По совету пластуна обмотал ножны тряпками, чтоб пашка не звенела по камням. Заряженный револьвер сунул за пазуху. Готов.

4.2

Микола закрутил меня – хватка крепкая, такие пальцы и рвать могут на части, если придется, заставил присесть, попрыгать. Качал головой.

– Ладно, сгодится, пошли. – Вдохнул: – Все равно по-другому не будет. Сделали что могли.

– Скажи, Николай Иванович, почему ты можешь правильно говорить, а говоришь на тарбарском. Остальные тоже могут?

– Нет, остальные в гимназии не учились.

– Ты учился в гимназии?! Что? И французский знаешь? – Я запнулся о камень.

Казак рассмеялся, видя мое недоверие, и выдал с недурным прононсом:

– Латынь, древнегреческий и все остальное, чему учат, только вместо каникул – или в плавни к пластунам, или в казачий лагерь.

– В Сербии как очутились? – осторожно спросил я.

– Долгая история, потом как-нибудь расскажу. Побалакаем за чаркой, если так интересно. Сейчас времени нет. Уже пришли, подготовиться нужно.

– Соседушки наши дорогие, скоро темнеть начнет, а нам без суеты к завтраму подготовиться треба.

Донцы, вырванные из мира песенных грез, понимающе закивали, закряхтели, скатывая войлочные попоны и бурки, а Сашко уже делил патроны – деловито и с приговорками, пластуны посмеивались, а я половины слов не понимал, как ни старался вникнуть. Примерил толстый шерстяной бешмет. Попробовал накинуть сверху турецкого полушубка – не налез, а наоборот – получилось.

– Ну як? – спросил седой пластун, которого все называли Батькой.

– Жарко.

– Нехай. Полежишь завтра на камнях годин шить – добром поменешь.

– Часов шесть, – машинально перевел Николай, увидев мой растерянный вид, сдвигая папаху на затылок.

– Пойдем до зари, – рисовал план Батька. – Хрестом.

– Крестом.

– Микола с поручиком в голове. Гриц – левое плечо. Сашко Гулый – правое. Вам не только поперед глядеть, но и склоны держать. Грицу – правый, Сашку...

– Левый, – отозвался Гулый.

– Умный! Два гирла узких имеем, на первом я остаюсь, на втором Гамаюн. Ниже второго гирла он – атаман. Если турок уже там, плечи не уходят, пока есаул не отойдет. Если турка нет, схватиться и наблюдать. Овечек пригонят, Микола, подзови мальчика, гроши заberi и нехай отару гонят до гирла, дальше один Гамаюн, он вам сигнал на отход даст, да про собак не забудьте. Ось вроде и все, ну а там як Бог даст.

Седовласый пластун первый, а за ним и остальные перекрестились. Слушая атамана или старшего, пластуны занимались своими делами. Кто-то перекладывал небольшие заплечные мешки – торбы, кто-то делал на револьверных пулях насечки крестом.

– Зачем пули портите? – Меня передернуло, вот не любил когда с казенным имуществом так небрежно обращаются. – Точности не будет. Это любой солдат подтвердит – знания особые не нужны.

– Нехай, зато хоть в пятку попадешь, полстопы оторвет. Один пистоль для точности, другой для урона. Вы, ваш бродь, свой тоже через один зарядите.

– Какой я вам ваш бродь, Иваном меня зовут, – не удержался, добавил: – Матвеевичем. С вами неразумным новичком пойду.

– Ну вот и гарно, возьми пули, сыпь – эти в один карман, а эти в другой. Все, Батько, готовы, можно и повечерять.

Вычерпали до дна медный казан и со стенок соскребли дочиста. Забытая сытость растеклась по всему телу. Опять появился неизвестный мне струнный инструмент, опять дудочка тоненько стала затейливо выводить незнакомые мотивы. И словно струны и дырочки играли в моей душе, вытаскивая из нее давно забытое, а может, никогда и не изведенное.

Турки первые в мире поняли, что музыка действует на человека особым образом. Они собрали оркестры и под их звуки шли в бой. Теперь оркестры есть во всех армиях. Музыка может сотворить со взрослыми, совсем не изнеженными мужчинами чудеса.

Микола пристроился рядом и потихоньку переводил смысл песен или отдельные фразы.

Славянские языки менялись, незнакомые наречия чередовались с чем-то неуловимо знакомым. Слова оставались те же: трогали за душу, нагоняли слезу, тревожные воспоминания о доме, семье. Как там маменька? Выдержит ли сердце, едва не остановившееся со смертью мужа, если придется сгинуть на чужбине старшему сыну? Жаль тебя, аж крутит всего изнутри. Но не могу, не могу по-другому. Никто Суздалевых не сможет заподозрить в трусости, не могу я опозорить род и имя свое. Ценность слишком велика. Золото – ничто, имя твое – все. С ним жить. С ним умирать. С ним жить следующим Суздалевым. Будут ли они с гордостью вспоминать или стыдливо упоминать – да, был у нас такой родственник... Но тут заиграла дивная тихая музыка. Казаки загрустили. Под очередную песню начал складываться из звезд и облаков в ночном небе образ Малики, и я боялся пошевелиться, любясь дивными линиями гибкой фигуры. Девушка кружила в нескончаемом танце. И от него перехватывало дыхание. Господи, видел-то мельком, а как в душу запала – запомнилась навсегда. Слушая старинные песни, я вдруг понял: люди, сложившие много лет назад эти замечательные строки, были не глупее нас сегодняшних. Вот песня про злую мать, сгубившую невестку с дитем, пока сын был в походе. Это ведь образ злой войны, разбившей семью. И совсем не важно, что в песне казак живой, семьи-то нет! Конечно, в жизни наоборот, да разве горе от этого меньше. Сменилась тихая песня. Люди вокруг просветлели лицами. Стали переглядываться. Что-то завитало в воздухе. Особое. Я чувствовал невысказанное единение и рад был оказаться в нем. Никто не осудит сурового Батьку, смахнувшего слезу. Песни говорили: «Мы не одни, нас помнят, ждут, надеются. И черта лысого мы дадим нас так просто ухлопать или заморить».

Новая песня. Совсем незнакомая речь. Микола сначала подпевал тихо, потом, видя мою заинтересованность, тихо сказал:

– Сербская песня. Древняя, про воинов, где отважные мужи знают, что завтра умрут, но сегодня призывают сдвинуть стаканы так же плотно, как завтра сдвинут плечи в бою.

– Сильная песня. Я прочувствовал.

Казак достал глиняную бутылку, пустил по кругу.

– По три глотка, чтоб спалось лучше.

– У Гамаюна знаешь, какие глотки?! В три глотка Черное море выпьет.

– Да ни... Загнул! Мабуть, в пять!

Казаки негромко прыснули со смеху, давясь в смешках.

Пошел дождь. Языки пламени заволновались, зашипели. Посиделки пришлось прекратить.

Как можно заснуть? Я опустил голову, прижимаясь щекой к мягкому войлоку. Знакомые запахи заворожили, закачали сознание, глаза сами собой закрылись, и тут же – чужая рука затрясла за плечо.

– Иван Матвеевич, пора.

Казалось, и не спал совсем, мысли металась от дома до предстоящей вылазки. Образы любимых людей – в грусти и в радости – сменялись кудрявой отарой – сотня баранов решит вопрос с провиантом и теплой одеждой. И чтобы продолжить дальше жить ради тех, кто дорог, надо успешно выполнить задачу. Как много зависит от баранов!

Командование должно было все силы приложить, чтоб их получить, а начальство делало вид, что такая мелочь как отара – сама по себе, а обессиливший русский корпус – отдельно, и никто совсем не заинтересован в исходе непонятной операции. Мол, пять неизвестных босяков и мающийся от безделья артиллерийский поручик, потерявший свои орудия, за так, между прочим, обеспечат войско мясом.

Стоп. Ладно. Чего-то разбурчался! Ну, плохо спал на новом месте, зато не мерз и не голодал, а впереди дело веселое. Не хлопотное. И все лучше, чем безделье в палатке.

Правда, дело оказалось в первую очередь скользким.

После сотни падений на обледеневших камнях, мокрый как мышь, уперся в каменную стену. Темный отсыревший камень давил массивом, величественно возвышаясь над головой. Вздохнул, пораженный природой. Ее внезапным вторжением в наш ход. Впрочем, пластун уже уверенно повел в сторону, доверяясь своему чутью. Продвигаясь за Николаем вдоль неровной скалы, дошли до просвета. И я, что греха таить, задышал свободнее, хотя от частых падений ребра болели и легкие не могли как следует сделать полный вдох. Пластун сразу подал сигнал и показал, что можно отдохнуть. Через несколько минут с двух сторон подошли фланги. Гриц и Сашко. Отдышавшись, они пошли вперед. Немного погодя пошли и мы. Здесь лед лежал только местами – причудливыми застывшими каплями, свисая с камней или растекаясь крохотными треснувшими панцирями в расщелинах – ступишь в такую и улетишь в каменный мешок, откуда уже никто не спасет и не вытащит. Минуя опасные места, несмотря ни на что, до второй теснины дошли быстрее.

Природа зловеще улыбалась, капризничая.

Чтобы наш спуск был еще чудесней, пошел мелкий дождь. Противный, он струился по папахе, заливал глаза так, что приходилось часто промаргиваться.

В этом месте между вертикальными стенками оставался проход саженей в двадцать. Здесь казаки повторили свой маневр.

По моим прикидкам спуск продолжался около трех часов. Когда я в очередной раз полетел пересчитывать камни своими ребрами и сотый раз проклинал свое решение идти с пластунами, в голове появилась подленькая мысль: «Может, не вставать, и пусть будет как будет».

Откуда-то ниже и правее:

– Псс.

Решив, что нет смысла и сил вставать в полный рост, на четвереньках ногами вперед двинулся на этот «псс», пока не уперся в большой камень.

– Ваня, сюда залазь, – зашептал пластун.

Наверное, из-за дождя светлее не стало. Почти на ощупь нашел Николая.

– Тут в камне трещина, залазь с другой стороны.

Нашел, с трудом залез, царапаясь лицом, чуть не потеряв меховую бурку с левой ноги.

Когда-то часть скалы отвалилась и катилась по склону, пока не треснула пополам. В этой трещине, уже поросшей мхом, мы с пластуном и устроились. Он прокричал птицей, в ответ с двух сторон, ответили «плечи».

– Все, отдыхай, можешь подремать.

Подремать? У меня в голове предложение казака не укладывалось. Сразу пришла тупая боль. Навалилась, рвя сознание, со всех сторон. Невольно тихо охнул, прикрывая глаза. Начал себя ощупывать. Открытых переломов нет. До чего мог дотянуться, было вымазано толстым слоем глины. Одежда отяжелела. Неприятно, но сейчас это тревожило меньше всего. Как это я ухитрился ничего не сломать – вот чудо!

Внутренне стена и охая, как-то незаметно уснул. Толчки по ногам медленно вытряхивали из сонной неги.

– Просыпайтесь, граф. Вас ждут великие дела.

Знакомо. Где-то я это уже слышал. С Прохором, что ли, успели подружиться? Когда только.

– Гляди-ка, кажись, пошло движение. – Николай тронул, кивком головы показывая направление. – Ты оглядись пока. Там саженей двадцать с твоей стороны, чуть ниже кустарник густой начинается со стороны скалы, мы там тропку протоптали. Можно потаенно почти

к турецким позициям выйти. Посмотри по сторонам, запомни места, где укрыться от пуль можно.

– Зачем? С кем воевать собрался?

– Всегда так делай, где бы ни был.

Сдвинувшись в своей нише, осторожно высунул голову. Рассмотрел колючий кустарник, уже освободившийся от снега, Постарался запомнить расположение валунов побольше. Ветер опять сменился на злой, холодный, порывистый. Нас мало тревожил, но только что стекавшие ручейки на глазах покрывались льдом. Камни как будто высасывали тепло через толстые слои одежды.

– Ты как, Ваня? – в голосе пластуна звучала забота.

– Тело затекло, – с трудом выговорил я, кажется, еще и говорить разучился.

– Напрягай ступни на пять счетов, раз двадцать, потом ноги до колен, потом от колен до бедра, так до головы, потом снова еще раз.

Сперва было больно, словно сотни иголок впивались в тело, заболели все ушибленные места, но стало теплее, и снова почувствовал власть над своим телом.

– Точно, отару гонят.

Я высунулся еще дальше. Постепенно разглядел приближавшееся серое пятно. Неясно брехала собака. Позвякивал колокольчик.

Через час можно было рассмотреть две нитки конных, сопровождавших с двух сторон овечье стадо. Еще через полчаса – то, что конные безжалостно пускают в ход нагайки, отгоняя трясущих кулаками турецких пехотинцев. Вот овцы стали подниматься по урочищу. Конные перестроились в линию, отсекая отару от равнинной части. Вокруг отары бегали две здоровенные собаки, не позволяя овечкам отстать или выйти из только им понятного пространства.

– Нас собаки почуют, лежи не двигайся и глаза прикрой, порычат и убегут.

Конные снялись, ускакали рысью вдаль.

– Мальчишка тоже здесь, – рассмотрел мальчика верхом на ослике.

– Давно засек, – отозвался пластун.

– Щас найпервейше дило зробим, – видать, волновался невозмутимый пластун, раз перешел на родной язык.

Первым мимо камня, звеня колокольчиком, прошел черно-белый важный козел. Тряся длинной бородой, он иногда замирал, вытягивал шею и злобно блял, вытаращив круглые глаза. За ним, обтекая камень с двух сторон, шли мохнатые, перепачканные грязью и глиной безропотные овцы. Вислоухие животные покорились дождю, смирились с непогодой и грядущей неизбежностью.

Услышав рычание, я поглубже забился в щель. И, кажется, вовремя. Здоровенная собачья голова заслонила свет, показывая мне желтоватые зубы в половину указательного пальца, и злобно зарычала.

Страх, дикий до ужаса животный страх вздыбил волосы на спине, вызывая учащенное дыхание и приступ потливости. С трудом сдерживался, чтоб не выстрелить, еще труднее было закрыть глаза и ни о чем не думать, однако этого волкодаву хватило, чтоб не засчитать меня как угрозу. Обежав камень, Миколу он просто обнюхал, даже без рычания. Может, и хвостом вильнул – проверять не хотелось.

Тявкнув напарнику, псина умчалась по своим охранным делам.

Овцы шли и шли, они тоже скользили на камнях и падали на грудь, прокатывались вниз, сбивали нижних.

– Вылазь, но в рост не вставай, следи за склоном.

Ужом вылез на волю, устроился за камнем головой к долине.

С другой стороны полилась турецкая речь. Микола разговаривал с мальчишкой. Еще мгновение, и ослик зацокал за отарой.

– Добре, гроши у меня.

Над ущельем полетел условный клетот.

– Можно вставать? Турок не видно.

– Лежи, Ваня, пока отара первое гирло²⁹ не пройдет, будем лежать.

Я доверился чужому чутью на опасность и опыт в засадных стычках. Переглянулись. Пластун подмигнул. Чуть сдвинул папаху. Расправил усы. Серьезный, а у самого смешинки в глазах – никогда не унывает. Лежим себе рядышком на черной бурке. Холодный дождь моросит, обдавая порой тяжелыми каплями мокрого снега – мерзнем, но настроение отличное. Дело действительно пустяковое оказалось, но сколько солдат нам будет благодарно. Корпус такую вылазку надолго запомнит и не раз у костра вспомнит. Может, и награждение мое вновь вынырнет из небытия штабных бумажек – возродится набранный ход. Отара начала втягиваться в узкий проход. Турчонок спешился и потихоньку начал спускаться, ведя ослика на поводу. Значит, передал овец Гамаюну. Дело сделано. Я облегченно выдохнул.

И вот тут началось то, чего и опасались пластуны.

Время замерло, набухающей каплей, а потом прорвалось с первым тревожным ударом сердца.

Сперва раздался двойной птичий крик, эхом разносясь в горах. Я невольно посмотрел в небо и действительно увидел парящего орла. Голодная птица кружила над овцами. Несколько раз стремительно промелькнул силуэт Сашка. И наконец стала видна причина тревоги.

Слева внизу из-за левого отрога в нашу сторону быстро двигались три десятка черных всадников. Справа неслышно появился Гриц.

– Черкесы!

– Что-то маловато их, чтоб отбить отару, тут хитрость какая-то. Казаки, в круг!

– Мыкола, Сашко левый, я центр, поручик тыл, а ты справа, если что – уходи с золотом в схрон, завтра тебя вытащим на рассвете.

– Добре. Матвеич, подымись вон туда, – он ткнул рукой назад, – смотри только вверх. Ветра почти нет, после выстрела смещайся на границу порохового облака. Выстрел – опять отбегай.

Грицко быстро побежал вниз, забирая влево. В каждой руке у пластунов было по револьверу.

Как-то обидно, что меня, офицера, задвинули в тыл, хотя в душе я понимал, что в такой ситуации пластуны разбираются куда как лучше. Мальчишка, похоже, тоже не обрадовался, остановился, а потом бросил ишака и побежал вверх, что-то крича. Одновременно раздалось три ружейных выстрела со стороны конников.

Глаза от удивления полезли на лоб. Саженой в пятидесяти ниже теснины прямо из скалы, из камня, выбегали люди в черных черкесках и высоких такого же зловещего цвета папах. Мало похожие на добрых джиннов, они уверенно действовали по своему плану. И от их решительных фигур стало не по себе – абреки знали что делали, основываясь на своих обычаях и традициях.

Сперва черкесы кинулись вверх к уходящей отаре, но бегущая наперерез овчарка и два метких выстрела, уложивших двоих нападавших, снизили пыл. «Черные джинны» проявили осторожность и залегли возле упавших. Не суетились. Не торопились. Вскоре одного потащили к скале.

– Коля, сзади! – вырвалось у меня. Казак обернулся.

– Добре, держи их.

Стрелять мне было далековато. Не любил просто так переводить патроны. Я осмотрелся, привычно наметил будущие позиции для стрельбы. Приготовился.

²⁹ Гирло – в данном случае ущелье.

Внизу внезапно загрохотало: два выстрела, еще два, пауза пять секунд, снова два и еще два. Защелкали, кажется, со всех сторон винтовки. Потянулась пауза – из-за порохового дыма ничего не видно. Горное эхо множило и уносило вверх звук уже сделанных выстрелов как восточку своим: «Мы приняли неравный бой!»

Пронзительно ржали подстреленные лошади. Эхо не замечало последних жалоб, но глухой удар упавшей снежной шапки радостно размножило. Абреки наверху очень быстро рассыпались по ширине ущелья и не теряя темпа стали приближаться. Выстрелы Гамаюна в спины их не остановили. Черкесы двигались очень ловко и сноровисто, почти не оскальзываясь, со стороны казалось, скользили по воздуху. Чужое движение змейкой сбивало с толку. Попробовал удержать на мушке одного, перевел на другого. Потерял. Внизу опять загрохотало. Ударяясь о камни, выбивая яркие искры, пули с визгом меняли направление. И быстро, как потревоженные шмели, злым жужжаньем заполнили ущелье. Черкесы с моей стороны стали останавливаться, вскидывая длинные винтовки, выцеливая моих пластунов.

Пора.

Потихоньку потянул спусковой крючок, грохнул первый выстрел – один есть, сразу во второго – и не понял результата. В глубоком присяде, переходя на четвереньки для скорости, перебежал к намеченному заранее валуну, где дыма почти не было. Выстрел, еще – противник вскрикнул, перебежка, последние два выстрела наугад в сторону врага, больше для остротки. Назад за камень, перезарядить. Пальцы на холоде деревенеют, не гнутся. Однако гнезда в револьвере забиваются быстро. Не знаю, нанес ли я урон, только нападавшие из засады залегли. Еще задымил пространство изрядно. Самому ничего не видно. Отбежал от места последнего выстрела, рассмотрел горца с винтовкой, стоявшего на колене, прицелился, но в последний момент он нырнул вниз и выстрелил в меня. Зажужжали рикошеты. Перебежать. Сразу три выстрела. Горячим мазнуло по щеке. Слезы, дождь, кровь? Непонятно. Падаю, заползаю за валун. Стреляю и снова меняю позицию. Быстро перезаряжаю и привычно перебегаю. И тут железной палкой по голове! Зазвенело в ушах. Дрогнула картинка, закачалась, наливаясь красным цветом. Привычный серый день растворился в новых красках.словно паровоз шибанул или великан какой.

Поперхнулся воздухом, давась.

Повело вправо. Нога сделала шаг в сторону, другой. Носок бурки зависал при каждом движении и неуверенно трогал воздух, словно боялся не встретить поверхность, а провалиться в пропасть и увлечь за собой тело. Как же так? Как такое могло случиться? По касательной прилетело или прямо в голову? Мир закружился в бешеном ритме.

Замелькали картинки.

– Шайтан! Урус!

Камни – серые, мокрые, грязные – бесконечные отвесы, припорошенные легким снежком.

Небо без дождя – чистое, с парящим орлом в вышине – кажется, я так к нему приблизился взглядом, что видел немигающий зрачок хищника и каждое перышко. Посмотрели друг на друга. Оценили. Птица беззвучно открыла мощный клюв, улетающая на новый круг.

Тело горца с застывшим оскалом медленно сползло вниз к моим ногам. Теперь я видел себя как со стороны. Вот упал на колени. Закрыв глаза. Как же хорошо. Наступило долгожданное спокойствие.

– Ваня, поручик!!! Вставай!

Кто зовет – не пойму. В голове шумит. Может, на пляже уснул, да солнце припекло? Вон море как волнуется, шумит.

Громкий выстрел над головой вернул в ущелье. Слабость. Сильно мутило. Дрожащей рукой схватился за плечо пластуна, он подхватил, обняв за спину, приподнимая. Ноги не стояли, не держали тело, но я упрямо продолжал подниматься.

– Тихо. Не так быстро. Давай, Ваня, осторожно ступай на ноги. Уходить нужно.

Заскользив бурками по камням, все-таки почти встал, но тут же завалился на Николая.

– Добре, давай. Левой, правой. Левой, правой. Слушай меня! Мой голос. Двигаемся, поручик.

Мы у скалы.

– Давай, Ваня, я тебя на плечи возьму, так быстрее будет.

Держа за левую руку, он подсел под меня, взял за правую ногу, и я уже у него на плечах. Теперь он бежал, бежал вниз, к турецким позициям. На один его шаг я взлетал вверх, и тут же чужие жесткие плечи били мне в грудь и живот, вышибая воздух из легких. Постепенно прино- ровился, отрываясь вверх, коротко вдыхал, опускаясь, напрягал живот и не мешал выбивать из меня воздух. Что-то обожгло правый бок – вздрогнул, смерть не пришла, значит, пока живой. С разгона врубился в непроходимый кустарник. Ветки протестующе затрещали, прогибаясь.

– Терпи, артиллерия. – Казак уложил меня на спину, сбросив на длинные сухие колючки. Одну такую я видел в опасной близости от глаза. Заглянул в лицо, проверяя. Натянуто улыб- нулся.

– Ничего, ничего. Это мелочи. Терпи. Невеста-то есть, Ваня?

– Нет, – прошептал я. Откуда ей взяться? Сначала муштра в юнкерском, потом война. Нет никого. Одна маменька есть, да Прохор верный.

Когда пластун отрубил очередную колючую ветку, я провалился на камни. Теперь стена колючек была на вершок выше моего лица. Микола ухватил меня за башлык и поволок за собой.

Мне оставалось только покрепче зажмурить веки, хотя багровые круги от этого не исчезли. Иногда голова ударялась о камни, и тогда боль пронизывала до пальцев ног. Пропа- дали и звуки редкой стрельбы где-то далеко-далеко...

5. Рождение притчи

Опять время стерлось, растворяя границы. Оно потеряло свою значимость. Прошел час, а может, всего десять минут, и колючки над головой пропали. Вот только что цеплялись за одежду, рвали, царапали кожу, а теперь, стенками стояли с двух сторон, открывая узкую полоску свинцового неба. Спиной проехался по острому камню, в глазах пошли красные круги. Теперь не до грез – окончательно пришел в себя, вспоминая реальность. Сглотнул, давясь вязкой слизью слюны, и закашлялся, выплевывая из себя остатки кислых пороховых газов.

На фоне серых облаков парила хищная птица. Заложив крутой поворот, исчезла из поля видимости.

Где ты, мой дружок? Ты же не душа моя? Вижу тебя! Птица. Хищник. Хорошо, что не душа! Сюда можешь не смотреть, сегодня мы не твоя добыча. Может, бараниной полакомишься. Один черкес рубил шашкой разбегавшихся овец. До тех пор, пока Гамаюн не отправил его в черкесские райские кущи.

Сегодня прощай, недосуг мне сейчас и думать о тебе. Пора.

Я закричал и упрямо забрыкался, пытаюсь высвободиться от хватки казака. Микола сразу замер, полностью останавливаясь. Обернулся.

– Очнулся? – спросил пластун, вытирая пот и кровь с лица.

– Да, – ответил шепотом – нет силы в голосе.

– Хорошо, – казак перехватил половецкое мое тело. – Вперед, пане поручик. Швидче!

– погоди, Николай, я сам попробую.

С трудом перевернувшись, на четвереньках пополз.

Спина стала немая, и что-то в моем теле было явно лишнее. Микола обернулся. В глазах тревога. Беспокоит его что-то. Смотрит куда-то поверх головы. Сказал, переводя строгий взгляд на меня – куда девались смешинки, даже усы не по-геройски топорщатся:

– Сейчас за мной ползком сможешь?

– Должен. – Вот нужное слово. Я верен ему. Должен: отчизне, императору, армии, матери, Прохору. Всем. Должен заставить себя двигаться.

– Только тихо. Не шуми, поручик. Уши кругом – быстро найдут. Тогда не отобьемся.

– Постараюсь. – Мне очень хотелось верить в то, что говорю. Голова кружилась. Земля под ногами ходила волной и дышала, желая скинуть меня. Хорошо пластуну, как на прогулке. Мне бы так – даже глаза боялся пошире распахнуть, мир сразу начинал кружиться. Надо двигаться дальше.

Я стоял на коленях, упираясь руками в мелкую пыль камней. Сейчас. Я нерешительно передвинул руки вперед, устанавливая их на мелкие валунчики. Живые камни крутились под ладонями, шевелились, норовя вывернуть кисти. Руки начали дрожать в локтях. Меня закачало в разные стороны. С трудом удерживал равновесие. Поморгав, кажется, стряхнул пелену, стал лучше видеть.

– Господи, – простонал я. – Господи!

Казак ящерицей нырнул под колючие ветки. Я тоже с облегчением распластался. Без всякого удовольствия, обламывая ногти о камни, пополз под кусты, стараясь не потерять из виду грубые башмаки из свиной кожи. Стертые подошвы разведчика мелькали, задавая темп. Казалось он даже земли не касается и парит в воздухе параллельно земле.

– Господи, – зашептал я, – Господи, не дай сдохнуть под кустом.

Такая смерть меня совсем не прельщала. Не было в ней ничего геройского, офицерского. Нелепая смерть для графа. Мамочка даже косточки не сумеет найти, так надежно меня укроет острый кустарник.

Опять оказались возле скальной стенки и поползли вдоль нее. Ледяные цветки причудливой формы выступали из расщелин и, набухая капельками воды, сочились радугой цветов. Почему раньше не видел, насколько природа красива даже в мелочах? Или для этого надо находиться на грани сознания?

– Сейчас будет щель, лезь туда и обживайся, я пока следы попутаяю. – Микола замер, видя мою реакцию. – Залазь, не опасайся, не брошу.

– Револьвер оставь, один. Я свой обронил где-то. Уходить тебе надо. Со мной не выберешься. Обузой буду.

– Да ты шо, поручик? Мне же потом Прохор башку отгрызет.

– Ага. Испугался ты Прохора... как же, – протянул я.

– Прекрати, поручик. Хотел бы бросить, остался бы в ущелье лежать. Нет времени унывать, лезь.

Он ловко отстегнул мою шашку, помог снять заплечный мешок, видя, что я путаюсь в лямках. Бросил в темноту пещеры. Придерживал, пока залезал в треугольное отверстие. Пол оказался ниже входа на половину моего роста, и хоть я старался руками смягчить встречу с каменной поверхностью, но все равно свалился мешком. Боль была так сильна, что организм защитился, отключая сознание.

Очнулся от того, что рядом в крошечной темноте кто-то возился. Сопел, то ли от натуги, то ли от усердия.

– Кто здесь? – спросил осипшим голосом, пытаюсь нащупать шашку, и, не найдя ее на привычном месте, моментально вспотел.

– Я. Надеюсь, что сегодня кроме нас никого не будет.

Пластун шуршал где-то выше.

– Что там у тебя? – спросил я, встревожившись.

– Шукаю. Сейчас, – быстро ответил пластун.

– Шу-каешь? – по слогам повторил я, пытаюсь понять смысл слова. И так и не смог корень ни к чему привязать. Голова – для чего она мне дана? Словно и не учился и не знал языки. Для боли, наверное. Языки... и не вспомню ничего. Я поморщился, привыкая к хрупкому сосуду боли, боясь лишний раз пошевелиться, сейчас как лопнет, и накроет меня волна геенны.

– Ищу! Когда ты уже по-человечески начнешь понимать? Место это не случайное, Ваня. Тайное! Давно нашли. Сделали схрон. Подготовили кое-какой запас на вот такой случай, – казак терпеливо объяснял мне, как малому дитя. Может, и на пальцах показывал, только не видел я. Слаб. Как слаб, от мысли тошно.

– Как вы могли... предвидеть наш случай? – хрипло спросил я, тут же морщась от своей наивности. Обычно, всегда думал, прежде чем говорить решался.

Пластун не ответил, хмыкнув. Правильно, зачем отвечать? У них из таких случаев вся жизнь сложена. Всегда наперед думают. Поэтому и живы остаются там, где все гибнут.

– Ходим мы по карбижу, вот и схроны везде, – сжалился надо мной пластун. В голове взорвалось новое слово.

– Кар-биз, – шепотом повторил я, у меня даже каждая буковка на облачко легла, но ничего не получилось – смысл слова не пришел.

– Прости господи, – вздохнул казак. – По лезвию ножа, значит.

– Я научусь понимать твой язык. Вот посмотришь.

– Научишься. Куда тебе деваться!

– Если раньше не помру, – тихо прошептал я, но Микола услышал:

– Да кто тебе даст?

Он шуршал, мелкие камешки падали на пол, струились вниз. Текли каменным дождем, как будто стучали по стенкам, все ниже и ниже.

Бум-бум-бум-шшшш – бум – шшшш.

Шум падений сочетался с грязно-бордовыми кругами в голове. Сходились в единый ритм. Кружили. Круги не пропадали, хоть открывай глаза, хоть закрывай.

Тогда чего напрягаться.

Как любой офицер после боя осматривает своих солдат, чтоб определить урон и оценить возможности уцелевших, нужно было определить свой ущерб и свои возможности.

Поднес руку к лицу. Башлык, которым лицо было замотано до глаз, заскоруз от крови и состоял из отдельных лоскутов. Пальцы нащупали кусок веточки, зацепившейся колючкой за бровь. Осторожно вытащил. Боли не почувствовал, так как болело все. Крутило и выворачивало. Не было такого места, чтоб не отзывалось острой или тупой болью.

Николай придвинулся, зашуршал рядом.

– Посуньтесь в сторону, граф. Вот так.

– Сейчас, – пробормотал я и, кажется, смог. А может, в мыслях подвинулся, но казаку места хватило.

Кресало высекло искру из кремня, а круги в голове окрасились в изумрудные цвета.

Еще удар. Факел загорелся. Пропитанные маслом тряпки трещали, коптили, но дым моментально всасывался в трещину в скале. Собственно укрытие наше и было трещиной, только с небольшой, почти ровной площадкой. Лечь рядом можно было только тесно прижавшись друг к другу.

Пристроив факел, казак занялся моим телом.

– Сидай, – приказал он буднично.

– Не могу, – признался я в своей слабости, хоть и стыдно было.

– Зараз допомогу. Ось так. Тихо, тихо. Не хились. Тут каменюка кругом голый, расшибешься.

– Мало я на спуске бился, осталось еще здесь добавить для полного счастья.

– Тю, поручик, – протянул казак, – да когда о камни бьешься, только сильнее становишься. Не знал?

Откуда у него силы шутить? Тут бы вздохнуть лишний раз.

Осторожно разматав башлык до конца, казак отодрал в нескольких местах с треском от засохшей крови. Осмотрел лицо. Покачал головой. Вытащил несколько колючек:

– Видели бы вы сейчас свою... э... *joli minois*.

– Я вашу вижу. Вся колючками исполосована. Почему по-французски? Давай по-тарабайски. Так, чтоб меня проняло.

– Тарабайский, вот граф, придумал же название, – хмыкнул пластун. – На родном языке слишком грубо для графа, а на русском не могу подобрать.

– Милая мордашка, – я вздохнул. – Кому рассказать, что пластун легче объясняется на французском, чем на русском – не поверят.

– Нехай не верят. Мне с ними что? Детей крестить? Как бы не наподдал на дорогу, чтоб быстрее мимо шагали! Граф!

– Ну что еще? Нет больше носа? Или глаз вытек? Не томи.

– Да будет тебе! Симпатичным шрамом обзавелся, поручик. Через всю щеку. Очень удачно. Нос, глаз и ухо целы. Стянуть бы, да нечем. Везунчик ты, граф.

– Ага. Очень. Я даже в полку по джигитовке³⁰ всегда третьи места занимаю. Редко вторые. А ты говоришь – везучий.

– Так я научу тебя на лошади скакать. Это же легко. Дай только выберемся. А поле соянышника³¹ найдем, так и рубить научу.

³⁰ Джигитовка – скачка на лошади, во время которой наездник выполняет гимнастические и акробатические трюки, военно-прикладной вид конного спорта.

³¹ Соянышник – подсолнух.

Казак поддел папаху на затылке и осторожно снял. Я готовился к страшному, но круги в голове как-то поблекли, а Микола рассмеялся.

– Надо же, тебя, наверное, Бог в макушку при рождении поцеловал. Пуля либо рикошетная, але бочком толкнула. Гулю тебе зробыла с детский кулак.

– Чего ж голова так болит. Мир вертится вокруг. Может, действительно Божий поцелуй был, да я не заметил?

– А как ты думал? Чего хотел? Тебя ж как поездом торкнуло. Мы как-то в гимназии считали силу удара пули. Все одно как паровозом при скорости в тридцать верст. А если б наша пуля дум-дум, с крестом, тебя нашла, так бы не отделался. Не журысь, к утру боль пройдет.

– Микола, мне еще в спину, попало, когда ты меня на плечах тащил.

– Ну? Давай раздеваться потихоньку.

– Сам-то цел?

– Бог милостив.

Мы дружно перекрестились. Только я ойкнул.

После нескольких минут Колиного кряхтения и моих стонов – в нашем убежище не везде можно было вдвоем одновременно стоять в полный рост – я остался в нижней рубашке и с удивлением понял, что здесь довольно тепло. Тепло шло от скальной трещины.

Распоров рубаху, повертев, пластун уложил меня на здоровый бок. В левую руку сунул факел.

– Держи свет и терпи.

Он рванул прилипшую к ране материю. В глазах потемнело, по спине потекло. Тело покрылось липким потом.

– Пусть кровь течет, грязь из раны вымывает.

Он порылся в своей торбе, достал какой-то сверток и уже знакомую баклажку³².

– На-ка, хлебни. Да немного. Это же не компот.

Я с трудом оторвался от баклажки.

– Не тяни, чего там? – мой вопрос прозвучал слишком волнительно.

– А ну, вздохни глубоко, – приказал Николай Иванович.

– Больно. Не могу.

– Пуля под углом вошла в спину, скользнула по ребру, может, и перебила его. И застряла под кожей. Неглубоко. Я ее вижу. Нужно вырезать.

– И? – я напрягся, так, что голос зазвенел.

– Сейчас будем доставать.

– Ты, что лекарь?! – изумился я. Не сильно пластун походил на лекаря. Скорее на того, кто жизни калечил и отбирал, а не восстанавливал.

– От наших плавней до лекарни сотня верст. Десять раз сдохнешь, пока доберешься. Прям как сейчас ситуация.

– Шутник.

– Нет. Я тебе правду говорю.

Пластун задумался, пробормотал вдруг волнительно:

– Ты, Вань, того не знаешь, что жизнь мне спас, если б не твое ребро, мне бы башку прострелили.

Казак говорил, а сам разворачивал свой сверток. В толстой выделанной свиной коже завернуты глиняная баночка, чистые тряпицы, горстка корпии.

Я понял, моего согласия он спрашивать не будет.

– Дай еще хлебнуть.

– Лучше после. – И словно оправдываясь: – Там совсем немного осталось.

³² Баклажка – деревянный сосуд для жидкостей с крышкой или пробкой.

Эта непривычная интонация подействовала на меня сильнее крика.
Он жалеет меня, будет резать, но ему меня жалко.
Кто в этом мире меня жалел?
Прохор? Ему вроде положено с малолетства за мной следить. Служба такая.
Мама? Ну мама есть мама!
Вот и все.
– Режь давай! – потребовал я. – Режь!

5.1

Даст Бог вырваться отсюда – женюсь. Тогда, может, еще жена жалеть и молиться за меня будет. Мысль напугала и одновременно разозлила. Что ж ты, поручик-хват, чуть прижала судьба, на что угодно готов?!

– Режь, Микола, не тяни, а то я какой-нибудь дурацкий обет дам, потом всю жизнь жалеть буду.

– Зараз³³, – спокойно сказал Николай Иванович. – Не беснуйся. Нож правлю.

Казак сел мне на ноги.

– Не шевелись и свет держи. Смотри, чтоб ровно. Мне видеть надо.

И запел, замурлыкал, напевая какую-то бодрую песню как ни в чем не бывало. Я подивился чужой выдержке. Свиную кожу казак свернул в трубочку.

– На-ка, зажми зубами. Потом спасибо скажешь.

– Да она грязная! Смотри: ее до меня грыз кто-то.

– Бери, бери! Ты не чище!

– Да не стану я после кого-то в рот свиную кожу пихать!

Казак вздохнул и, одной рукой зажав мне ноздри, другой ловко сунул в открывшийся рот сверток. Погрозил мне пальцем, на работу свою любясь.

Первый разрез я перенес спокойно. Только факел в руке на миг дрогнул, но я его быстро выровнял. Посмотрел на мрачную тень на скале. Усмехнулся. Больно, но терпеть можно. Справлюсь.

На втором понял, зачем кожа во рту. Без нее зубы раскрошил бы друг о друга.

А вот когда пластун стал выдавливать пулю наружу, на несколько мгновений впал в темноту забвения.

Всего лишь на миг факел наклонился, и я снова твердо его сжал. А может, Микола мне его в руки сунул, и я сжал. Не был уверен. Теперь я ни в чем не уверен. Спину жгло огнем.

Бесформенный кусок свинца в маленькой лужице крови лежал перед моими глазами.

– На память, только на теле не носи – плохая примета, – спокойно сказал казак, вскидывая голову и прислушиваясь к посторонним звукам. Что можно услышать? У меня в ушах один шум, да что-то бухает постоянно.

– Показалось, – пояснил он, отвечая на немой вопрос.

– Все, что ли?

– Еще хочешь? – пластун покрутил острым ножичком перед носом.

– Господи! – простонал я, выплевывая кусочек свиной кожи со щетиной. – Изверг! Что наделал-то?!

– Не благодари! – усмехнулся Николай Иванович, складывая нехитрые хирургические вещишки обратно в плотный сверток. – Это только начало. Дальше заживать будет. А как – все в руках божьих.

³³ Зараз – сейчас.

– Ну что, закончил? Слезай с меня. Расселся, изверг окаянный! А я-то поверил, что ты – лекарь. А ты... Ты! Как с лошадыю!

– Потерпи, разрез нужно затворить, – спокойно сказал казак.

– Как это «затворить»? – насторожился я, сбиваясь с темпа. Даже дыхание перехватило. Не понравилось мне это спокойствие в словах. Веяло от них каким-то холодом и отчужденностью.

Он что-то делал с револьверным патроном. В конце концов зубами вытащил пулю, промокнув новую рану, густо обсыпал порохом. В очередной раз сказал:

– Терпи. – От факела поджег порох.

В глазах потемнело. К счастью, обморок оборвал боль, по сравнению с которой все предыдущие страдания казались сущей ерундой.

Монолитная темная стена дрогнула перед глазами, я понял, что передо мной открывают створки дверей. В щели сразу стал литься, ширясь, слепящий золотой свет. Мягкий, нежный, он резал глаза, заставляя болезненно щуриться. Раздался мелодичный перезвон. Словно на люстре хрустальные подвески заволновались от сквозняка, играя друг с другом. Тихий звук отрезвил лишь на секунду, расслабил. Теперь я отчетливо понимал. Просто настала пора. Каждый когда-то должен войти туда, где ждет праведный суд по делам земным.

Щель растет, двери раскрываются, и... Почему так все знакомо? Не может быть! Я... дома? Как такое может случиться? Дома! Дюжие лакеи, одетые в расшитые золотом ливреи, при виде меня вытягиваются в струнку. Замирают, каменея лицами, стараясь выказать мне максимально почета. А я все еще не решаюсь войти в парадную залу родного дома. Смотрю на них, не веря в очевидное. Я вернулся домой, где мое возвращение отмечают балом. Чувствую по скоплению экипажей и далекому гулу голосов многочисленное скопление людей. Никак не могу привыкнуть к подобному. Мысленно понимаю, что никакого шального снаряда с картечью не будет – и мирное время, и дом родной, но нутро протестует – слишком опасно, замри, выжди, лишний раз выдохни. Сердце учащенно начинается биться. Колотится в груди набатом. Странно знакомым звуком: буш-шш, бушш. Мне крайне беспокойно, начинаю волноваться, потому что знаю и другую тревожную тайну. Там, среди гостей, наконец-то ждут меня не только мать, брат и близкие кузены. От такого ликования скрадывается дыхание. И хоть ничто не может сравниться с любовью и тревогой матери за сына на войне, я ощущаю совершенно другую связь. Более волнующую меня. Белокурый ангел из снов стал реальностью, превращаясь в девушку ослепительной красоты, из-за которой не раз вспыхивали трагические страсти в столице и здесь, в уезде.

Образ не задерживается в видениях, покрываясь легким туманом. Но точно уверен, что юна, свежа, легка и смешлива.

Останавливаюсь перед красным ковром на ступенях, боясь повернуться к зеркалу.

Золотой эфес шашки притягивает к себе взгляд. Я сглатываю, боясь посмотреть в большое зеркало за спинами лакеев.

Я, что... генерал?

Осторожно смотрю в ртутное зеркало в темной бронзовой оправе. Вздыхаю. Всего лишь штаб-офицер. Крестов и медалей хватает. В ворота Анна с мечами. Герой войны, и только. Я такой же, как и сейчас, правда, немного уставший, с печальными глазами, с морщинкой между бровей и шрамом на щеке. Суров. Как казак Микола определил еще в пещере, когда от неприятеля прятались, *homme brave*. Бравый вид, только былого задора в глазах нет.

У зеркала из тени выступает Прохор. Как раньше не заметил? В черном фраке, белые кудри расчесаны на пробор. Медленно протягивает руки в белых перчатках, шепчет одними губами:

– Ждет.

Я киваю. Отдаю ему фуражку и перчатки и легким шагом поднимаюсь по лестнице. Лакеи открывают очередные двери, вхожу в большой зал. На балконе тихо играет оркестр венский вальс.

Людей много. Никто не танцует – виновника ждут.

Я иду к тебе. Любимая. Родная. Иду.

Люди расступаются в разные стороны. Заинтересованно-оценивающие взгляды дам, восхищенные или настороженные глаза молодых мужчин. Не волнует равнодушие и редкая теплота взглядов пожилых дворян-соседей. Сейчас не до вас. Сейчас к невесте.

Любимая. Родная. Иду. Как же я ждал эту встречу. Жил ради такого момента. Меня заливают волной радости. Теперь я понимаю друзей, их блеск в глазах, тревогу и волнительные тихие речи о сокровенном за фужером хорошего шампанского.

Дамы не торопятся. Плывут в своих пышных платьях, освобождая пространство, поводят плавно открытыми плечами, кружат голову ароматами духов. Веера качают воздух. Туда-сюда.

Бу-шш – бу-шш, словно далекий прибой очень медленно и неторопливо бьется о каменные утесы. Воздух то волной приносится мне в лицо, то уносится прочь к очередной мушке у пухлых губ.

Я вижу... Миколу.

Вокруг казака пустота. Все морщатся, но никто не решается подойти. Дамы напуганы.

Грязь стекает с его поношенной и рваной черкески на отполированный пол. Среди блеска разноцветных платьев, фраков, мундиров, золота и серебра он неуместен. Сам казак смотрит в пол. Папаха надвинута на брови. Овчина местами выдрана и пожжена.

Очень медленно он поднимает голову и пристально смотрит на меня. В серых глазах – мрак преисподней.

Еще медленнее поднимает сжатый кулак.

Раскрывает ладонь с грязными пальцами. И я вижу в крохотной лужице крови пулю, недавно извлеченную из моего тела. Густые капли сочатся между пальцев, стекают с обломанных ногтей казака.

И он хрипит:

– Пулю забыл, Ваня. Забери.

Я дергаю ногой, поскальзываясь на отполированном полу, и начинаю падение...

Словно цепная реакция пошла. Граф толкнул меня ногой, и я открываю глаза, не понимая, где нахожусь. Иван Матвеевич бредил. Шевелился, сгибал колени, будто шагая куда-то. Я прислушался. За пещерой тишина. Я снова присмотрелся к графу. «Что же ты, Ванятка? Где ты сейчас?»

Поручик спал беспокойно. Стонал во сне, вертел увечной головой, сучил ногами.

Выходит, от этих стонов я и проснулся. Забеспокоили меня, а потом получил знатный пинок. Свернутый вместо подушки бешмет лежал в стороне от головы. Осторожно приподняв, подложил походную подушку графу под голову. Иван горел. При его ранениях это было обычно. Вот если завтра жар не спадет, видать, в рану попала какая-то грязь, тут уже как Бог даст.

Я зашептал молитву.

Огонь на факеле начал бегать снизу вверх и больше коптил, чем светил. Нужно зажечь новый. Еще два факела лежаливерху в трещине. Осторожно поднялся, поставил ногу на камень, потянулся вверх и вдруг заметил, что трещина стала шире. И там из глубины скалы вроде свет пробивается. Идущая вниз трещина так и осталась в три пальца шириной, так что осторожно попробовал ногой опору, потихоньку начал протискиваться в сторону света. Пробравшись через косую трещину, попал в каменный коридор, где не пришлось наклоняться. Впереди открывалась просторная пещера, заполненная серебристым туманом. Он как бы сам светился, но через него видно было и стены, и потолок, только ноги ниже колен, если их высоко

не поднимать, были не видны. Я такой туман в жизни не видел, хотя думал, чем-чем, а уж туманом меня трудно удивить. Утренний туман у реки, туман в балочках и низинах при вставшем солнце. Туман в плавнях и в горах, там, где не понятно, туман это или облако.

Осенние и весенние туманы. Зимний туман, когда перестаешь понимать, где небо, а где снег. Туман, в котором тонут все звуки, а собственную руку можно рассмотреть только возле носа. Только такого, как здесь, я не видел и ни от кого не слышал, что такой бывает.

Во-первых, он не сырой, а во-вторых, пахнет хорошо, почти как в церкви.

Впереди еще проход, и зал еще больше. Здесь тумана нет, а по всему полу свечи горят. Толстые, высокие, тоненькие, чуть коптящие огарочки. Палеными свечами не пахнет, а наоборот, воздух, как после грозы.

Конца этой пещере не видно. Хотя какая это пещера, ни потолка, ни стен. Как бы мне здесь не потеряться. Пропадет мой граф без меня. Правильно Прохор говорил, как дитя малое. При войске, при своих пушках он бравый поручик, а здесь до следующего вечера не доживет.

– Будь здоров, казаче.

В сторонке сидел старик с длинной белой бородой, то ли в длинной серой рубахе, то ли балахоне вроде церковных. Как я его не заметил, ведь почти прошел мимо.

– Спаси Христос. Здравствуйте и вам, дедушка.

– Иди посиди со мной. Вот угостить мне тебя нечем.

– Спасибо, диду, не голоден я. У меня тоже ничего для вас нема. Но если подождете, сбегая, в торбе трошки вяленого мяса есть.

– Оставь для себя, ты мне лучше помоги. Затуши вон ту свечку, по правую руку.

Справа горела синим огнем приличных таких размеров белая как снег свеча. Воск медленно скатывался по стволу.

– Эту?

Старик кивнул.

Двумя пальцами сжал фитиль и огня не почувствовал.

– Вот и отмучился друг твой Сашко Гулый. Чистая душа. А как на дудочке-жалейке играл, у меня некоторые свечи белее становились.

– Кто вы, диду? – испугался я. – Почему Сашко только отмучился? Его засадный черкес со скалы подстрелил, прямо в голову, я сам видел.

Голос старика стал строгим.

– Стоит ли тебе отвечать, и вопрос не один.

– Простите, дедушка, если обидел ненароком вас глупый казак.

– Повинную голову меч не сечет. Соскучился я, давно с живой душой не разговаривал. Смотритель я. За жизнями. Хочешь, твою жизнь покажу?

В его руке появилась толстая свеча с веселым огоньком.

– А вот жизнь дружка твоего – графа.

В другой руке изогнутая свеча, с мизинец толщиной, белая с одной стороны, серая с другой, желтый огонек метался, как под ветром.

– Хочешь, я у него половину отниму и тебе добавлю? Не спеши, подумай, а я тебе про Сашку расскажу. Не убила его черкесская пуля, подобрали раненого его черкесы. Когда в себя приходил, огнем жгли, про монеты золотые услышать хотели. У кого? Куда тот спрятался. Торопились сильно, а он все в беспамятство впадал. Плохо умирал. Так ничего не открыл им.

– Тело где его?

– Над телами у меня власти нет. Так что, подумал, добавить жизни?

– Если вам так просто нашими жизнями распоряжаться, так отрежьте у меня половину, разделите на три части, одну батьке добавьте, другую маме, ну и Ивану, как-то нехорошо он у вас выглядит.

Поручик спал беспокойно. Стонал во сне, вертел увечной головой, сучил ногами.

От этих стонов я и проснулся. Свернутый вместо подушки бешмет лежал в стороне от головы. Осторожно приподняв, подложил походную подушку ему под голову. Иван горел. При его ранениях это было обычно. Почему-то я был уверен, что к утру жар спадет.

Запах в пещере странный, нужно свежего воздуха запустить и факел поменять. Осторожно отвалил в сторону камень, который снаружи закрывал вход. Вылез по плечи наружу. В морозном воздухе доносились голоса турецких часовых, перекликавшихся, чтоб не заснуть. Горели костры. Ничего не боялся басурмане.

Сон странный снился, а про что – не могу вспомнить.

Глянул на звезды, часа через три нужно будет ползти к ущелью, к границе этих зарослей. Наши должны за нами прийти до рассвета.

Спать не хотелось, да и обдумать происшедшие события нужно было. Сердце защемило, увидел родные причерноморские горы, степи. Попытка отбить выкуп обычна у черкесов. Две стороны договариваются, третья, посторонняя, нападает после передачи. Те, кто должен платить, клянутся на Коране, что все выполнили, и требуют выполнения договора.

Появление черкесов здесь для нас не неожиданность.

Мы похожи. Они за сотни лет заслужили репутацию отважных, умелых и преданных за деньги воинов.

Богатые восточные эмиры нанимали их для личной охраны и выполнения особо трудных поручений. Бывало, воевали на одной стороне с казаками. Здесь другой случай.

Может, кто-то из турецких начальников имел зуб на нашего баша, а может, прослышав о выкупе, черкесы сами решили подзаработать, тогда вчерашним они не удовлетворятся. Сегодня будут ждать наших, а потом все здесь осмотрят, наверняка найдут тропку, хоть и не любят лазить по зарослям держи-дерева, и эту щель найдут. Пятьдесят золотых – деньги немалые. Все перевернут. Как я вчера ни путал следы, но пока беспамятного поручика ташил, немало клочков на колючках оставил.

Один я бы ушел через турецкие позиции к другому проходу. С целым поручиком это было бы трудно, а с попятанным...

Есть один путь, даже не путь, а так, тропинка – опередить горцев.

Трескотня выстрелов прервала тягучие мысли, снимая наваждение. Прислушался, хмурясь. Загомонили турецкие часовые, перекликаясь. Засвистел офицерский свисток. Еще несколько раз вспыхивали отчаянные волны выстрелов. Звуки боя, искаженные эхом, не позволяли понять картину боя, оставалось только догадываться. Черкесы ждали вылазки, но наши, видно, к этому были готовы. Никифоров выделил на подмогу донцов.

Похоже, не сшибли черкесов. Кто мог помочь, остался под выстрелами или отошел. А может, хлопцы и не случайно устроили такой кавардак, давая понять, что не смогут забрать и нет возможности подойти близко к схрону.

Понял, что домой хода нет. Но и нам не отсидеться. Тишина ночи вернулась не скоро, хотя нам это на руку. Успокаивались часовые. Скрипела изредка арба большими колесами, да покрикивал на быков на болгарском погонщик, заставляя шевелиться и передвигаться вислоухую неповоротливую скотину. Сверху две тени неторопливо носили черные кули к арбе. Трупы забирают. Ислам требует хоронить погибших мусульман в день гибели.

Тени носильщиков изредка ругались по-болгарски.

План созрел моментально. Ящерицей заскользил в темноту...

Я почувствовал, что нет рядом казака. Хотел глаза открыть, да сил не было.

Микола забрал меня в ад. Унес вихрем. Нещадно трясло. Значит, не обманывали дьяконы. Жарят черти на сковородках грешников. Еще как жарят. Я вон как пляшу и горю. Запах крови, требухи, пороха преследовал во время падения, и сейчас заполнял он все легкие густым смрадом. Спина горела огнем, видно, еще и за крюк подвесили. Открыл очи и сразу прикрыл.

Укутан в башлык по глаза, а прямо в узкую щель смотрит на меня открытый глаз мертвяка.
Равнодушно и безразлично. Навалился. Давит. Не продохнуть.

За что ты так со мной, Микола? Где грешен? В чем вина?

– Микола... – мычал я, – Микола...

Звук тонул, теряясь в тяжелых складках материи.

Тонул и я.

6. Пароль Тодор

– А большие здесь водятся? – кричит младший брат. Гимназист он еще, и уши торчком и нос заострен. Формируется подросток в юношу. – Вань! Ваня! Ну чего ты молчишь? Большие рыбы здесь водятся?

Думал, на пруду мы с братом в камышах стоим, рыбу ловим. Ан нет.

Темнота стала проясняться, сереть, наполняться линиями и углами, и наконец у картины появилась четкость: парадная лестница – мраморные ступени укрыты красным ковром; огромное зеркало в тяжелом бронзовом окладе; вышколенный Прохор – не слуга, а князь – кивает и усмешается. На пальцах перстни, на шее заколка с крупным камнем. Отблеск света от камня резанул по глазам, погрузил в темноту.

Картинки закружились, невидимая колода захрустела, тасуя карты, перемешивая.

– Скидывайте карты!

– Делайте ставки, господа!

– Да не томите вы меня!

– Время пришло!

– Банкуете, поручик, или как?!

– Ах, оставьте, – тут же отозвался незнакомый женский голос. – Бедный мой мальчик, как устал! Посмотрите на него, господа. Ваня, Ванечка! – голос глубокий, волнующий, зовущий, – слышишь меня? Я за тобой пришла, Ваня.

Прекрасная белокурая головка склонилась надо мной. Нежная ручка гладит мои волосы в мрачной пещере. Факел трещит у нее за спиной, я, сколько ни стараюсь, не могу рассмотреть лицо девушки. Вдруг свет смещается, тени играют. Наконец увижу любезный лик. Что это? Темное лицо с тонким с горбинкой носом. Усы, острая бородка, редкие зубы и глаза! Темно-карие, застывшие, мертвые. Чесночный запах. А где девушка с прекрасным голосом? Куда делась?

Крюк с размаху с новой силой впивается в спину. Кожа трещит. Спину заливают горячим. Металл медленно проникает вглубь меня. Нанизывает, как червяка. Как больно!

– Сейчас большая клюнет! – говорит младший брат. Мы стоим на берегу, видя под соломенной шляпой обгоревший нос, плюю на червяка и тут же лечу вверх. Цепь выбирают, и она грохочет. Механизм скрипит. Брат удивленно поднимает голову вверх, придерживая золотистую шляпу. Явственно пахнет соломой.

Цепь с крюком поднимает меня вверх. Пруд, брат, земля крутятся юлой быстрой, уменьшаются в размерах и исчезают. Раскаленная сковорода остается внизу, и сразу ледяной холод сковывает тело. В грязном окровавленном исподнем болтаюсь на пронизывающем ветру. Почему в белье? Таким предстал перед Господом или перед... дьяволом? Я же жил праведно: молитвы читал, в церковь ходил, никого не обижал, грехов не творил? Или только казалось мне?

Бородатые мужики в высоких бараньих шапках сноровисто и бесцеремонно вытряхивают меня из одежды, чего-то шепчут на чужом гортанном языке. Тыкают грязными пальцами. Больно. Жестко. Взгляды такие же, ничего хорошего не предвещают. Пальцы, как пули. Ковыряют и ковыряют меня.

Микола в одних подштанниках с крестом на тонком кожаном шнурке смотрит недоверчиво. Я дрожу как осиновый лист, что-то вспоминая. Взгляд цепляется за казачий крестик. Крест – как маяк для моряка.

Молюсь:

– Прости, Господи. Прости, Мать Всезаступница.

Мать Божья шепчет знакомым голосом Николая Ивановича:

– Тихо, Ваня, молчи. Не время сейчас говорить. Молчи.

А я молчу. Что есть сил, но так хочется кричать. Картинки кружат, меняются. И я отчетливо вижу манеж юнкерского училища.

Подо мной не лошадь, а здоровенное рогатое черное животное. То рычит, то мычит, то ребенком плачет – из ноздрей струи огненные. Кружится, меня пытается свалить, выбить из седла. Под тонкой кожей чувствую канаты мышц. Зверь очень свиреп и дьявольски силен.

– Юнкер Суздалев! Отставить! Как собака на заборе сидишь! Спину держи! Ровней. Рысью, марш! Давай!

Зверь подо мной дергается, набирает скорость. Земля под ногами дрожит.

И в спину ножом – раз, раз! Больно-то как! За что?

Огонь! Во рту, в горле, в животе. Сжигая изнутри, заставил закашляться, на каждый «кха» – удар ножом в спину.

На!

Еще?!

На!

Из темноты выплыл пластун. Стал подниматься, словно из воды выходит, шевельнул соломенными обвисшими усами и слабо подмигнул. Глаза красные, как у настоящего демона. Я сглотнул. Дьявол-мучитель, притворяется человеком, товарищем по оружию, и чего-то хочет от меня. Что за душу предложит?

Потемневшие от земли и времени крестьянские руки (такие ни с чем не спутаешь, но то я знал, кому они на самом деле принадлежат) протянули лепешку. Лепешку за душу бессмертную?

Дудки! За лепешку не купишь!

– А что ты хочешь за твою никчемную душонку? Твоего ухода никто и не заметит, а я могу тебе вот что дать.

Черт, притворяющийся пластуном, поднес к губам и стал лить в рот огненную жидкость.

6.1

Надежды не то что на выздоровление, но хоть улучшение здоровья поручика таяли по мере прихода нового дня. Хотя первым делом я смазал его раны сербским бальзамом, туго перевязал. По дороге к границе держи-деревьев Иван два раза терял сознание, и приходилось его тащить. Брыкался по ходу, шагая в беспамятстве куда-то. Что он там видит? Знать бы. Спину всю отбил, но терпел – ругаться нельзя, и так плох поручик.

Не зря батька говорил:

– Не надейся на русских служивых. Солдаты плохо обучены, забитые. Офицеры изнежены, как их барышни.

Вот граф. Что это за титул такой – граф! Не русский какой-то титул. Чухонский, что ли, или шляхтецкий. Там графы, бароны, герцоги. И нет силы. Нет силы в названии, в толковании. А был бы нашим, да хоть простым казаком, давно бы на ноги встал. Не обороняет его вера.

– Барышня, – протянул я, да скажи такое в лицо графу, тут же пулю и получишь. Суровый в своих понятиях, честь бережет.

Фамилия, правда, русская, старинная. Суздаль – город древний. Суздаlevы из тех мест, наверное. Видать, фамилия только и держит на этом свете.

– Иван Суздаlev, граф, – пробормотал я. – Ванятка, граф. – Покачал головой. Не идет. Не звучит. Нет силы в имени. Как ни крути. Как ни пробуй. А поддержки от имени нет никакой.

Неплох был в бою. Швидкий, верткий, а вот рана вроде пустяковая – и нет Суздаlevа.

Но может, зря я? Старым становлюсь, ворчливым?

Чего разбухтелся, знаешь ведь, не бывает ран пустяковых. С виду пустяковая, а внутри порвать все может.

Что, зло берет?! Когда в горы нас загнали, мы грибов засушили, ягод. Дички набрали для узвара. На охоту каждый свободный день ходили. Мяса засушили, накопили. Не ахти какие запасы, но русские солдаты и этого не делали, а теперь с голода пухнут. Просто ведь. Но не делали. Не приученные. Все надеются на кого-то. Даже тот же старик Прохор, вестовой у Ванятки, все бормочет про кухню какую-то. Умом понимает, что не будет, а верит в чудо. Что вдруг из воздуха она появится и накормит всех разом. Что про других говорить, если старый так думает?

Нет, не это тебя злит, казаче. Через час-два, как рассветет, горцы начнут тебя искать. Золото, найденное в черкеске Сашка, раззадорило, а потери – только вчера как минимум половины отряда – разозлили.

Сколько там было у Сашка, лир двадцать. Черкесы знают, что у меня на сто пятьдесят больше. Полпровинции можно купить.

Уйти нельзя, вот это и злит. Безысходность. Поручика не брошу, он хоть и чужой, но турецкой кровью связала судьба нас.

Скрип, стук, приближающиеся тени. Щелканье кнута, вот наш шанс!

Кинжал в рукав, чтоб не блестел, ползком от камня к камню.

А говорят-то по-болгарски. Два десятка болгарских слов и столько же турецких помогут. Сверху ущелья закричали по-турецки, две тени, ругаясь при падениях, оторвались от большой тени, пошли на голос. Я потихоньку подполз к двухколесной арбе.

– Эй, ние руски. Русские мы. Крия, сховай. Тодор. Крия. Спрячь. Помоги, братушка. Руски ние.

Болгарин живо соскочил, подошел к камню, за которым я лежал. Что-то быстро начал шептать. Понял только тыркс – турки и болгарское село.

– Село! Лекарь. Друг, нужен лекарь. Тай бене. Ранен.

Быстро принесли к арбе Ивана. Возница показал, что нужно раздеть. Правильно. За мертвых сойдем. Вещи спрятали под сеном, на дне крытой повозки. Сверху уложили графа. Раздевшись до исподников, пристроился рядышком. Оставил только кинжал и револьвер. Болгары принесли первый труп черкеса, после короткого, но бурного шепота уложили на Ивана, так чтоб не сильно давил. После еще двух тел арба развернулась и, одерживаемая болгарами, направилась вниз. Никто не сопровождал, никто не проверял, пока ехали через турецкие позиции. Часа через полтора болгары выгрузили и передали изуродованные разрывными пулями тела турецким могильщикам.

– Кто там у вас еще лежит?

– Мертвые русские, похороним на христианском кладбище.

– Где?

– У нас в селе.

К этому времени я уже сам превратился в хладное тело. Как ни старался напрягать по очереди жилы и задерживать дыхание, все равно холод сковал все тело. Босые ступни остекленели. Как мог, присыпал Ивана тонким слоем соломы. Когда свернули к болгарскому селу, крестьяне забрались в арбу и по кругу пошел небольшой кожаный бурдюк с паленкой – самодельным фруктовым самогоном.

Болгары лопотали по-своему, один накинул мне на плечи овечий кожушок. Имя Тодора, одного из лидеров освободительного восстания болгар, звучало вместе с именем Скобелева. Слова словами, но в Греции, Сербии и Болгарии я понял, что дружбу с крестьянами нужно подкреплять деньгами и подарками. Деньги, и немалые, у меня были, даже слишком большие для этих пастухов или пахарей. Как бы один из самых древних человеческих пороков – жадность – не сыграл с нами злую пьеску.

Суздалев время от времени открывал глаза, ошалело осматривался. Мычал негромко и неразборчиво. Понимал ли, где он, я не был уверен, даже влив ему в рот водки. Поручик схватил меня за руку, сбиваясь, не договаривая слова до конца, стал что-то нести про черта. Тут этот бред оборвали звуки копыт по замершей дороге. Нас догоняла пара пока еще далеких всадников.

Болгары, испугано загалдели:

– Тыркс, тыркс!

А я, наоборот, обрадовался. Вот и плата за наше спасение. Знаками и скудным запасом слов показал, чтоб двое вылезли и пошли со стороны обочины. Двухметровый бич – батыг из воловьей кожи – показал вознице положить справа от него. Перевернул поручика окровавленной спиной вверх, сам сдвинулся к задней части арбы, чтоб сразу были видны мои босые ноги.

Турки. Не черкесы. Это хорошо, вряд ли по приказу. Мертвяки интересуют турецких солдат только как возможные трофеи.

Один верховой остановился возле ярма, другой, резво спешившись, заглянув внутрь. Схватил меня за ногу, потянул на себя...

Кинжал на добрую ладонь вышел у него из спины. Сильно ударил, но очень уж я не люблю тех, кто у павших крестики срезает, пальцы из-за оловянных колец отрубает.

Турок лет сорока, с пышными черными усами, еще не понял, что убит, и старался удерживать жизнь, схватившись руками за край арбы, а я, крутнувшись, уже стоял в полный рост на арбе возле возницы. Одним движением распустив бич, вторым обвил шею коника. Приседая, дернул гибкое оружие на себя. Второй мародер со сломанной шеей завалился на быков. Усталая скотина переступила с ноги на ногу, обреченно принимая на круп ношу.

Быки – животные не такие нервные, как лошади. Один скосил черно-индиговый глаз, стукнул копытом по мерзлой земле, мол, падаешь – ну-ну, и продолжил дальше жевать жвачку.

– Держи лошадей, славяне.

Крестьяне, народ примороженный, покрутив головами в разные стороны, кинулись к лошадям.

Пока болгары расседывали лошадей, я менялся одеждой с удушенным турком. Пару мгновений – я в турецком, а он – голый в арбе.

По привычке мысленно поменялся с конным турком местами. Что нужно было делать на его месте? Нырнуть под лошадиное брюхо, дальше пистоль или...

В общем, три варианта могли исход сделать другим.

Нужно приодеть Ивана.

Пронзенный насквозь, как жук на булавке, турок сидел, так и не выпустив край телеги. Крови почти не вытекло, только немного на одежде. Аккуратно подняли, отнесли в сторону от дороги. Там вытащил кинжал и снял с тела одежду. Здесь при первой же оттепели кровь впитается в землю, и следов почти не останется.

Теперь самое трудное. Растолковать болгарам, что им делать, чтобы могли заработать и остаться в безопасности. Лошадей срочно продать, лучше цыганам. Лошади военные, но цыгане знают, как их изменить до неузнаваемости. Деньги с продажи пусть поделят на троих. Мужики сразу повеселели, загалдели, достали самогон.

Я промерз так, что не помогла и бочка этого пойла. Седла пока погрузили в арбу. Закопав, продадим позже. Это тоже для крестьян. Они станут самыми богатыми в своем селе. Сегодня нужно похоронить этих кавалеристов вместо нас. Это тоже поняли. Один из троих забрался верхом и погнал лошадей. Перед тем как тронуться, предложил спасителям окропить обочину желтеньким. Для поверхностного следопыта хорошая причина для остановки.

Чтоб согреться, я побежал. Выписывал восьмерки, пока пар не стал валить, как от лошади на марше.

Болгары пели, как понял, про парня удалого, которому горы по колено и море не преграда.

– Вода есть?

Сам напился и внутрь залез, Суздалева отпаивать. Хорош. Хватит прохлаждаться, пора в сознание приходить. За жизнь бороться нужно.

Губы поручика обметало белым. Плеснул водой в лицо, дал напиться. Он был еще не в этом мире, но пил жадно, проливая на грудь.

– Ваня. Вань.

Пока возился с Иваном, понял, что болгары спорят, у кого сегодня ночевать будем, каждый настаивал, что у него.

Тут взгляд поручика стал почти нормальным, удивленно глянул на новые тела. За волосы приподнял турка с застывшим выражением удивления.

– Где черкес горбоносый?

– Сменял, Ваня, – привычно пошутил я.

– Ты тоже черт? – спросил офицер-артиллерист, нащупывая шашку под соломой. – Я тебя не боюсь.

– Зря, – сказал я и насупился, потом улыбнулся, не сдерживаясь.

Молодец все-таки православный. Самого чертяку не боится!

Забрал у болгар бурдюк, отпил глоток и подставил горло самодельной фляги к графским губам.

– Хлебни. Да не жалеи. Приходи в себя. Сдается мне, что у тебя грезы.

6.2

Вынырнув из омута страшных видений, узнал своего спасителя.

– Перекрестись, развеи сомнения, казак, – попросил я. Пластун посмотрел на меня вопросительно.

– Перекрестись, – чуть не плача, простонал я. Не мог я понять, в каком мире нахожусь. Где правда, а где вымысел. Только крест и спасет, если дьявол принял обличье Николай Ивановича.

Микола обмахнулся крестом, видя все еще мои недоверчивые глаза, достал нательный крест и еще раз обстоятельно перекрестился, целуя святой образ на распятии. Я все еще не верил. Где-то скрывалась тайна, прикрыл глаза, смахивая ресницами слезу, то ли от боли появившуюся, то ли от страха.

– Где я? – прошептал я. Казак не ответил, возился с торбой.

– Где я?! – спросил громче.

– Выпей, Иван Матвеевич. Держи! Да вот она! Не трясись. В руку сам вложу.

Я машинально сделал несколько глотков и задохнулся, когда горло обожгло. Пелена с глаз стала сходить. Микола оказался прав. В голове прояснилось. Я огляделся, слабо вертя головой. Скрип колес, тряска, отдающая в спину, жухлая солома – одно пришло на ум:

– Повозка? Мы едем? Куда?

– Арба, – тут же отозвался казак. – Болгары в гости к себе зовут. Поедем? – Подмигнул лихо, словно на пироги нас звали. А может, на пироги? И нет никакой войны? Небо-то вон какое знакомое. Одно оно. Без начала и края. Спину заломило, и я вспомнил про ранение. Вернулся на землю.

– Мне в штаб надо, – я отрицательно качал головой, – какие гости?! Никак нельзя задерживаться! Война же.

– Да лежи ты, неутомонный! Бежать уже собрался! Журнал свой еще возьми. Зачитаешь донесения.

– А нужно? – на всякий случай спросил я, задумываясь. Как же я мог забыть про журнал? Вдруг спросят?

– Да лежи ты! Не трепыхайся! Забудь про журнал. В гости мы едем. Теперь нам все можно, – закивал головой Микола, сдерживая зевок и равнодушно поглядывая по сторонам. Я даже поверил на какой-то миг, что мы на прогулке, пока казак не продолжил: – Нет дороги у нас назад, Ваня. Проход перекрыт черкесами. Будут искать нас. Как собаки, все обнюхают.

– Да зачем мы им, Коля? Зачем? – откровенно забеспокоился я. – Зачем мы диким? У них других забот, что ли, нет? Аулы, детишки голодные, стада овец! Да, не до нас им!

От мысли, что от двух недобитых русских чего-то хотят злые горцы, стало особенно нехорошо. Беспокойство охватило все члены и принялось вытеснять остатки разума. Очередная горячка сменилась холодом и затрясла тело ознобом, стоило только вспомнить черных джинов, появлявшихся из скалы и сеявших смерть вокруг себя. Страшные, беспощадные, умелые и теперь идущие по пятам...

Пластун наклонился к уху и жарко зашептал:

– Золото у нас, Ваня. Золото. Много! Понимаешь?

– Не особо, – вяло признался я, имея твердое намерение вывалиться из арбы и уползти в степь. Там не найдут, там простор.

– Золото, Ваня, немалое. Состояние большое. Черкесы теперь не одну душу задавят, подбираясь к нам. Рыть станут до последнего, допрашивая каждого мертвого, ни детишек, не женок не пощадят.

– Отдадим?

Казак покачал головой, глянул, как на дитя неразумное. Я понял – все равно задавят как котят. Без всякой жалости.

Я чувствовал угрозу, зависшую над нами темной тучей, в которой уже громыхали яркие молнии. Боль в спине опять резанула турецким ятаганом.

– Золото, бараны. Спасенный корпус – понимаю. Месть и опять же золото. – Мысли беспорядочно крутились в голове, и, кажется, я говорил их вслух.

Я не боец, возможно, пластун здесь только из-за меня. Что делать? И стреляться поздно. Не по чести как-то. Казак подумает, что поручик трус. И нет никакой доблести в артиллерии – все там такие. Не посрамлю! Время ушло безвозвратно. Потерял я шанс выйти с честью из игры. Наверное, в пещере тоже было поздно. Что же я не погиб во время боя? Теперь такие трудности создаю.

– Что же мне делать, Николай Иванович?

– Хлебни. – Пластун снова протянул баклажку.

Я послушно отхлебнул. Плохая местная водка раке, рака, арака, или как там ее, и на этот раз помогла. Противный вкус заставил поморщиться, но мысли, хоть со скрипом, побежали быстрее.

Нам же угрожает реальная опасность. Гибель! Сам же дал понять, что дикие черкесы от нас не отстанут, будут преследовать до последнего. Я знал чужую жестокость не понаслышке. Страх легким крылом коснулся чего-то внутри. Сжалось и расслабилось.

А чего, собственно, бояться? Смерти? Так жизнь наша в руках Божьих, и не один волос не упадет с головы моей без Его позволения.

Безвестности? Правда все равно воссияет. Через год или столетие. Потомкам не за что будет нас стыдиться.

Нужно только Миколу слушать.

Микола вытащит.

Микола знает, что делать. Скажет порешить себя, так пушу пулю без раздумий.

Ну что улыбается? Что за беззаботность? Нипочем, что ли, невзгоды, и страха не ведает?

Взгляните на него, кабы не пшеничные усы – турок, да и только. Ему даже катание в тылу у неприятеля нравится, принимает как забаву, тупая остроту действительности. Бесшабашный. Уверенный. Казаку же все было нипочем: черкесы, турки, разбитая арба, медленно едущая по ухабам дороги вглубь страны неприятеля – не удивился бы, если бы сосед запел.

Вся моя жизнь зависела от Бога, Микола, болгарских крестьян, их жен, от кого угодно, только не от меня.

Каверзный вопрос завертелся на языке, но вместо него спросил:

– А болгары, те, что нас везут. Как ты с ними договорился?

– Да как в сказке!

– В сказке? – переспросил я, холодея и поджимаясь.

– Да не чурайся ты. Я слово волшебное знаю! – усмехнулся пластун, развернул сверток, достал пупырчатой мокрой брынзы, сунул мне кусок, который сразу застрял во рту. – Ешь!

– Не могу! Не глотается!

– А раке на что?

– Слово. Дай угадаю: золото? – прохрипел я, давясь кислой слюной. Золото – да, самое волшебное слово, любые двери открывает, тебе всегда рады и везде принимают в гости, ты обрастаешь друзьями, женщинами. И всем нужно только одно: золото. Даже тем же горным дикарям оно нужно!

– Нет, Ваня.

– Нет? – Из глаза брызнула самопроизвольно слеза, стоило колесу подпрыгнуть на камне – спина новой боли совсем не терпела. – Что за слово тогда? – уже тише спросил я. Камнями, что ли, заплатил? Изумруд, может?

– Тодор – Федор по-нашему.

Микола перестал жевать. Лицо его несколько вытянулось. Казалось, он к чему-то прислушивается.

– Тодор? – не поверил я, как крестьяне могли среагировать на такое волшебное слово. Сказал бы проще, что помогают нам, потому что мы за них воюем, освобождаем из-под турецкого ярма. Что благо они совершают, помогая русским солдатам.

– Ага. Тодор. Не знаешь такого? – то ли шутил казак, то ли серьезен. Не мог понять. Весь он подтянулся. Зазвенел струной. И брынза из рук куда-то делась и бурдюк. – Тодор – самое волшебное слово.

– Тодор, Тодор, – затвердили крестьяне, оборачиваясь, услышав знакомое слово.

– Видишь? Тодор!

– Нет, – честно признался я. – Не знаю я такого волшебного слова.

– А я – знаю. Один из лидеров апрельского бунта. Да не смотри так. С весны мы с отрядом здесь. Как восстание у болгар началось, так мы из Сербии двинулись помогать. Славяне же. Христиане. Отчаянный народ воевал за свое освобождение с кремневыми ружьями и вилами против регулярных частей низана. Тодор да Георги пытались их повести. Не получилось у них. Люди они хорошие, но не военные. Жаль. Люди тысячами гибли. Да ты сам их видел, которые к русскому корпусу прибились. Толпа необученная, хоть и отважная.

Нужно было это обдумать. Я закрыл глаза.

Тодор, значит. Значит, золото теперь не в цене?

6.3

– Вот и гарно.

– Гарно? – машинально переспросил поручик.

– Красиво. Хорошо в нашем случае, – пояснил я.

– Да. В нашем случае как раз все гарно. – Граф мрачно шутил, но мне нравилось. Духовитый. Не пропадет, должен выкарабкаться. А главное, похоже, что вышел из своих грез – находится в миру. Эх, други мои! Где вы сейчас? Поняли, что не погиб и с графом ушел в туретчину? Гриц наверняка каждый метр проползает, отыщет все следы и в схрон наведается. Там и весточку оставит, если не начнет сразу рыскать. Ох, Сашко. Как же жалко тебя. Как я в очи дывиться родителям буду, да вдовам, что ты так любил.

– Шуткуешь³⁴? Поправляешься, значит.

– Да, – протянул Иван Матвеевич и закашлялся, – гарно шуткую.

Я покачал головой. Не понравился мне кашель поручика. Еще чего не хватало.

– Отдохни, но в грезы не уходи. Лежи спокойно. Не шевелись. Шашка твоя под соломой.

Поручик зашевелился, нащупал шашку, благодарно кивнул. Молчит. Наверное, все силы потратил.

Уловил ухом глухой лай собак. А вот и звонко завелась. Так только мелкие могут, у них норы особые. Значит, село неподалеку. Арба стала поворачивать, заскрипели на оси колеса. Один из крестьян прыгнул и вскоре пропал из виду.

Второй кое-как объяснил поведение друга своего:

– За лопатами пошел, могилы рыть. Сперва, этих закопаем, потом ко мне домой. Помыться вам нужно, одежду постирать, покушать, – повернувшись, он заговорщически подмигивал. – Тодор?

– Тодор, тодор. Лекаря бы нам надо.

Болгарин не понял.

– Вино червено³⁵ есть. Раке. Брынза! А мамалыга какая. У меня женка лучшую готовит.

– Лекарь? – грустно уточнил я.

– Ах, лекарь! Лекарь есть! Но пусть наша бабка посмотрит, может, сама управится. Хорошая ведунья. Лучшая!

– Гарно. Хорошо! – тут же поправился я.

– Очень хороша бабка!

– Жена твоя? – пошутил я.

– Нет, – болгарин перекрестился, став серьезным. – Лучшая в округе. Все травы знает. Хвори любые лечит.

– Травы – хорошо, может, и поможет какой пирий³⁶, – я кивнул головой и посмотрел на поручика. Мне бы точно помогли. А графу? – Лекаря бы.

– Будет лекарь! Вечером поеду в турецкое имение, там есть болгарин-лекарь, привезу.

– Гарно. – Больше и сказать нечего.

Глянул на мертвяков. Даже в исподнем они выглядели, как мертвые турки.

Нужно поправить.

Кинжалом сбрил усы, прошелся и по груди, ишь какие заросли. Шерсть, как у баранов.

Вот теперь хорошо. Из узелка, найденного у одного из убиенных, достал крестики, надел на шею, думаю, Аллах не обидится.

Горцы народ настырный, скаженный³⁷, если сюда дойдут, обязательно могилы раскопают.

Нехай копают. Время за нас.

³⁴ Шуткуешь – шутишь.

³⁵ Червено – красное.

³⁶ Пирий – порей.

³⁷ Скаженный – злой.

7. Ведунья

Тем же вечером примчались двое черкесов, точно как собаки, по следу арбы пришли, прямиком на гробище, так тут погост называют, на свежие гробы-могилы. Болгары – молодцы, всем селом высыпали, и стар и млад.

– Не трогайте убиенных православных. Только отпели и земле предали.

Один пикой стал могилы тыкать. Настоящая, мол? Удостоверился и тела нащупал. Второй давай старосту пытаться, в чем хоронили, где одежда, тот:

– Как были в исподнем, так и закопали, – разводил руками болгарин. – В чем привезли.

– Где хозяин арбы?

– Уехал в хозяйское имение, зачем – не знаю, когда вернется – не ведаю.

Болгары бабок старых натравили, те криком кричать стали и клюками своими трясти, мол, изверги, святотатцы, прочь изыдите, не гневайте Бога.

Черкесам, конечно, крики эти совсем не важны, но зацепиться не за что. Покрутились, повертели на беспокойных конях. И пришлось горцам несолоно хлебавши к своим возвращаться.

Могут вернуться с подкреплением и раскопать могилы, такая мысль у меня была. Только это к нам не приведет. Да и с селян будет уже спрос не тот.

Вообще в этих краях, что здесь, что в Валахии, Сербии, Македонии, народ так натерпелся от турок, что опасаться выдачи не стоило. Под пытками, конечно, признаются, кто бы не признался? Но оснований для истязаний не имелось, да и властям турецким черкесы вряд ли о золоте поведают. Такие тайны хранят до гроба, молчат, не желая ни с кем делиться. Пусть, если отроют, тогда с турками разбираются, откуда взялись два трупа, кто раздевал, кто монеты прибрал.

Да и кроме поисков моего тела у них какие-то обязанности есть: службу нести, дрова колоть, кашеварить, да мало ли еще чего? Всегда что-то заглушит первостепенную задачу. На это и надеялся, что греха таить.

И у меня задача тоже есть: затаиться на время, ну и графа на ноги поставить, а там – вместе к своим побраться.

Знахарка пришла сразу, как только Иван впал в беспамятство, увяз в трясине бреда, и стало понятно, что назад сам не выберется. Болгары-крестьяне, ожидая визита травницы, всячески давали понять, как Росица их хороша в своем деле и какой авторитет имеет в ближайшей округе. Успокаивали, трясли чубами, уверяя, что все обойдется и визит к лекарю не понадобится. На душе скреблись кошки, запуская остренькие коготки поглубже: что ж ты, Ваня, слег в то время, когда уходить надо. Ведь здесь мы на положении кур, которые перестали нестись, и где появление хозяина с топором – вопрос времени.

Болгары не обманули.

Знахарка оказалась чудо как хороша.

Ожидал увидеть каргу скрюченную, а тут пава в расшитом зипуне³⁸, в расстегнутом вороте виден край накрахмаленной сорочки в красной оторочке. Лицом бела. Свежа, пахнет морозом. Глазищами зыркает, хмурит брови – всем цену устанавливает. Взгляд на мне задержался. Крестьяне заробели, зажурились, поникли как-то сразу, растворяясь в тени, а я, наоборот, ожил. Интерес к жизни даже какой-то вернулся. Подкрутил машинально усы, пока ведунья ходила по углам да пучки травы жгла. Неспешно Ивана раздели, срезая одежду. Обмыла теплой водой. Долго рану смотрела, трогала, принималась – тонкие ноздри трепе-

³⁸ Зипун – верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

тали, то ли нервничала, принимая решение, то ли волновалась, когда говорила невнятно, почти не разжимая рта. Смысл четко дошел до меня, потому что примерно соответствовал тому, что я думал: в теле чужое мертвое. Принесла с собой пуля волокна материи, теперь худо поручику. Без лекаря, видно, не справимся. Только травница не сдавалась.

Раны поручика промыла, мазь уже свою наложила.

Голову Ивана положила себе на колени, стала ладонями водить над фиолетовой шишкой и молитву шептать. Через время поручик затих, задышал ровно. Пристроив примочку на голову, ведьма встала, посмотрела на меня. Вздохнула, на что-то решаясь. Поманила к себе пальцем, велела сесть рядом, место указывая. Я послушно опустился возле соломенной постели Ивана, стараясь смотреть на травницу без тайных помыслов.

Не получилось.

Взгляды наши встретились. Как будто лошадь лягнула в грудь копытом.

Дух перехватило, голова закружилась, внизу живота зануло.

Я смотрел в ее темные бездонные глаза и тонул. Словно попал в водоворот в стремительной Кубани. Что делать, как спастись. Каждый казачонок знает, водовороту нельзя сопротивляться. Не теряй присутствия духа, не сопротивляясь, опускайся на дно, оттолкнись ногами – и вверх, к свету.

Как вынырнуть из этих глаз, да и нужно ли?!

Знахарка покачала головой. Потом улыбнулась.

– Грязный ты очень. Весь коростой покрылся. На черта похож. – Зубы ровные, да белые – уже глаз не отвести.

– На черта? – переспросил я голосом осипшим. – Сговорились вы все, что ли. – Ругнулся в сторону тихо, чтоб женские уши не слышали. Ей же улыбнулся как можно приветливее. Ведунья вернула улыбку с троицей.

– Помыться тебе не мешает. Пусть проводят тебя ко мне к ночи. Воды нагрēju, лохань подготовлю, – сказала травница и поднялась, полная достоинства.

– А Ваня как же? Что с другом моим станется? Помогут мази твои? – Забеспокоился я, и сам на графа смотрю, на вытянутое белое тело. Помыться – это хорошо, а как поручик на ноги не встанет, тогда что?

– Утром узнаем, – сказала Росица, собрала свои вещички нехитрые и ушла, тихо притворив дверь в хату.

Забурлила во мне кровь молодецкая. То ли ведунья приворожила, то ли таборная жизнь взяла свое, потаенные мысли зашевелились. Как закончится здесь, а в победе русского оружия я не сомневался, к лету вышибем турок со всей Болгарии, заберу Росицу, молчаливую, ладную. Домой приведу. Казаки часто из дальних походов возвращались с чужеродными невестами. Учили языку, вере христианской, крестили и венчались по православной традиции.

Мама любой мой выбор примет, а вот у батьки наверняка свои планы на старшего сына.

Батька! Младший внук знаменитого атамана Запорожской Сечи Ивана Билого.

Третий человек на Кубано-Черноморской линии. С детства я слышал:

– Учись, сынку, – атаманом будешь.

Здесь я оказался по его воле. Славу для себя и золото для войска добываю.

Наверняка и невесту подходящую батька присмотрел. Вернусь, пошлет свататься. Хотя если вернусь с невестой, сильно противиться не станет. Жена, взятая на шашку, для простых казаков важнее золотых динар, лир или червонцев. А уж про заморскую жену-ведунью слухи быстрее степного пожара разлетятся.

Вечером, когда Красимир, один из дневных попутчиков, вел меня к стоявшей особняком хате Росицы, я втолковывал, как им спастись от черкесов.

– Если что, говорите, что вас в ущелье подозвал турецкий солдат, приказал забрать два русских тела, раздетых до белья. Лица солдата не запомнили, темно было, да и не смотрели на него. Если будете на своем стоять даже под пыткой, не убьют. Уж деток точно не тронут.

В ответ болгарин поведал о Росице.

Бабка ее, знаменитая знахарка, не смогла вылечить главаря шайки башибузуков. Семью вырезали, а малолетнюю Росицу изнасиловали всем отрядом.

Много лет она не разговаривала. Как бабка, лечила крестьян, говорят, лучше ее. Помогала при родах, женских болезнях, еще и гадала.

Мужчин к себе Росица не допускала, да и побаивались ее местные, обходили стороной сельские женихи.

Красимир, показав на хату, сунув в руки чистое исподнее, растворился в темноте.

Дверь хаты открылась, едва я постучал в окошко. Прикрикнув на бесновавшуюся на цепи собаку, пропустила меня внутрь.

В жарко натопленной хате стояло большое парящее корыто.

Показав на него, Росица протарахтела длинную фразу, из которой я не понял ни слова.

– Не спеши, говори медленно, не понимаю. Говори малко побвно. – Я с трудом подбирал слова. Ведунья повторила. Теперь медленнее.

Ага, раздевайся, купайся, она уйдет.

Скинул надавившие чужие сапоги, верхнюю одежду, медленно стал раздеваться. Она стояла и улыбалась. Не отворачивалась и когда остался в исподнем. Стянул через голову рубаху, вопросительно смотрел в ее черные глаза, Росица только бровь подняла.

– Что смотришь?

– Таких грязных не видела. – Но все-таки отвернулась.

Скинув кальсоны, залез в корыто. Вода была слишком горячая, и я заголосил, но не встал, стерпел. Схватив ведро, Росица добавила холодной, вылив остатки мне на голову, чего-то пропела по-своему и зашлась смехом.

– Чуть не сварила, ведьма, теперь веселишься?!

Девка собрала мои вещи и, загадочно улыбаясь, вышла из хаты.

В горячей ванне я понял, как устал. На ногах и бедрах свежие кровоподтеки. Что же с поручиком. Он падал гораздо чаще.

Горячая вода разморила. Кое-как вылез, обтерся грубым, как дома, рядом, надел чужое исподнее, присел на лавку и...

Безоружные солдаты бегали вокруг. Бегали и падали уже навсегда. Куда подевались ружья, сабли. Выглянув из-за палатки, увидел трех черкесов с винтовками наперевес. Штыки и зубы в страшном оскале блестели полированным металлом. Кинулся от них в надежде подобрать где-нибудь оружие. В полной тишине слышу только топот преследователей.

Нырнул между двух палаток и оказался перед высоченным забором. Бежать некуда, а сзади по-хозяйски подходит воин в черном. Поднимает подвысь шашку. Кинусь под удар, не давая руке опуститься. Поскальзываюсь, падаю на колени. Свист шашки... И женский голос:

– Вставай, воин.

Глаза! Весь мир в этих глазах.

– Пойдем, – женская рука обнимает за плечи. Тянет вверх. Как восхитительно она пахнет. Мы возле узкой деревянной кровати.

– Ложись.

– Не можно. Мы не венчаны. – Опять смех.

– Спи. Завтра посватаешься.

Последнее, что слышал – стук двери. До утра проспал без всяких сновидений. Мягкий тюфяк, теплая перина, с тех пор как покинул дом, так не спал.

Проснулся на рассвете. Затопил потухшую печь. Белье мое сушилось на морозе. Идти в великоватых подштанниках по селу было невместно. Оставалась ждать хозяйку.

Обстоятельно помолился и за здоровье и за упокой.

Дверь впустила хозяйку вместе с клубами пара.

– Ой, студено! – с улыбкой подошла к нагревающейся печи.

– Гладен³⁹? – Гладен как волк, не признаваться же. Пожал плечами.

Ох и улыбка, чего сельчане ее сторонятся. Огонь-девка!

– Крове доене. – Понятно, корову нужно подоить. Мне-то что делать. Снял с плетня штаны, пристроил возле печки. Ивана проведать нужно.

Пока я ел хлеб с медом, запивая теплым молоком, Росица громадным утюгом, набитым углями, сушила одежду.

– Теперь будешь чистый.

– Это не моя одежда.

– Приноси свою, постираю в травах.

– Что я могу сделать для тебя?

– Ты уже сделал. К нам в Болгарию пришел.

Однако я знал, жить одной ох как непросто. Вычерпал и вылил грязную воду из корыта, проверил, сколько наколото дров, заглянул в кладовку – мяса почти нет.

Тут пришла соседка, у которой ночевала моя хозяйка. Принесла кусок окорока. Стала тарыхтеть, что помочь нужно Росице, мол, односельчане-мужчины плохо помогают, только когда заболит кто. Она так торопилась, что коренной болгарин плохо ее понял, но смысл уловил и обещал помочь по хозяйству. В голове уже был план. Расставляю силков на зайцев, может, сделаю лук, подстрелю в ближайшем лесу чего покрупнее. Нарублю дров, чтоб до весны хватило, ну и чего хозяйка попросит, если такая попросит.

Оделся в чистое. Какое блаженство. Пошли с ведуньей в хату, где поручика оставили. С неба срывались крупные, пока редкие хлопья снега.

Навстречу бежал Дончо:

– Лекарь другар твой увозит.

Третий день страдаю думами, ладно ли я поступил, что позволил лекарю увезти Ивана. С одного боку, правильно. Места мне в докторской бедарке не было, но мог ведь бегом сопроводить.

На хорошем французском доктор посоветовал выдавать себя и поручика за французских военных инженеров, пострадавших от налета неизвестных всадников.

– Тут сейчас много разных на дорогах шалят. Иноземцев обобрать – милое дело.

– Что с Жюлем?

– Жюль?

– Маню.

– Занятое имя.

– Военное прозвище.

– Нужно рану почистить, пока заражение не началось, пока ничего страшного, но время дорого. Вы, месье, задержитесь здесь, пока я хозяйку имения подготовлю.

Вот и застрял у знахарки. Жил в ее хате. Набил ей десятка три зайцев. Часть в ледник положили, часть потушили, залили жиром в глиняных глэчиках. Дров наколол, до тепла хватит. Кое-где топором постучал, а главное – вещички наши постиранные, вместе с моей черкеской, в ней защиты были золотые монеты, перепрятал, чтобы быстро и незаметно забрать, когда нужно будет.

³⁹ Гладен – голоден.

Черкеску стирал сам, не то чтобы таился от Росицы, но если она не видела, значит, и рассказать не сможет.

Симпатия между нами не пропадала, даже наоборот.

Вчера, когда стелила постель, не удержался, обнял, стиснул грудь, она громко застонала, повалилась на кровать. Голова кружилась, но тут взгляд зацепился за образ Спасителя на почерневшей доске. Опустился на колени, руки ее гладили голову, лицо.

– Росинка, поедешь со мной ко мне на Кубань. Обвенчаемся. Родители противиться не будут, благословят. Я не простой казак, атаманский сын. Сам атаманом буду. Хозяйство у нас большое. Люба ты мне, желанна. Поедешь?

– Разве тебе не сказали, что турки со мной сделали? – Она спустила ноги с кровати, но голову мою прижимала к себе.

– На тебе греха нет, значит, не было этого. Поедешь?

– Не подойду я, не хочу несчастным тебя делать. Не поеду, хоть и хочу этого больше жизни, – пальчиками вороша мои волосы.

– Тогда почему?

– Не смогу деток тебе родить, испортили меня проклятые турки.

Меня, как водой ледяной окатили. Отшатнулся. Ох, как я теперь их резать буду!

До этого убивал по воинской необходимости, теперь резать буду с удовольствием.

Росица, не таясь, рыдала. Теперь я гладил ее голову, обнимал за плечи.

Чего говорить, да и нужно ли. Все главное сказано. Мне фамилию продолжать нужно. Чувствам придется умереть.

И она, промокнув глаза подолом, улыбнулась. Будет ли моя будущая жена такой сильной духом.

Не забыть мне тебя, болгарская девушка, и всех остальных буду с тобой сравнивать. Потом я долго молился, просил прощения у Господа за то, что естество чуть верх не взяло над заветами. Просил Богоматерь послать Росице если не счастье женское, то хоть покой и достаток. С девушкой мы держались так, как будто и не было этого разговора, но глазами старались не встречаться.

За вечерей, глядя в тарелку, спросила, почему не воспользовался ее слабостью.

– Я тогда сама хотела, может, первый раз в жизни.

– Как же я закон, Богом установленный, нарушить могу?! Брак освещается на небесах, а без божьего благословения это скотство какое-то получится. Как я с жены чистоты буду требовать, если сам замаран.

– Болгарских парней батюшки этому не учат.

– Может, за это вами турки командуют. Я казак. Жизнь моя в руках Божьих. Если я хоть в чем-то отступлю от Бога, то и Он может на минутку от меня отвернуться. Тогда – смерть. Страшная и мучительная.

Тут мысли мои скакнули к Гулому и еще двоим пластунам, погибшим в Македонии. Справедлива ли их гибель? Не мне судить. Свои грехи бы замолить.

Росица, поставив кружку с травяным чаем, вернула к земным заботам.

– А скажи честно, казаки – это как башибузуки?

– Казак – защитник веры православной и земли русской, хотя для мусульман, наверное, башибузуки. Не думал никогда об этом. Ночевать к Дончо пойду. Завтра едем в имение на рассвете. Давай прощаться. Позднее мужики тебе немного денег передадут, так ты прими. Спасибо тебе, Росинка, за все. Прости Христа ради. Пора мне. Прощай.

– С богом, любим.

Она опустилась на лавку, и я ушел, стараясь не смотреть в ее глаза, где плескалась тоска неземная.

Откопал наши саквы⁴⁰ с вещами, достал турецкие карабины и сабли, со всем скарбом пошел к Дончо.

– Сабли продашь, все равно владеть ими никто не умеет, да и не научится уже. Только вместе с седлами не продавай.

Ружье одно могу вам оставить. Себе оставишь или тоже продашь?

– Оставляю.

– Тогда запоминай.

Один карабин подвинул к нему, достал масленку, стал показывать, как разбирать, чистить, смазывать. Показал, как заряжать и стрелять.

Взял немного мелких денег, наказал поделиться с Росицей.

Дончо достал кувшин красного, помозговали, в каком обличье я могу появиться в имении. Дворня смешанная. В основном болгары, но есть и турки. Опять же, гайдуки!

Здесь я ходил в добротных кавалерийских шароварах – ничего странного в этом не было, многие крестьяне носили что-то из турецкого обмундирования. Старую куртку и вытертый кожушок⁴¹, шапку дал Дончо. В своем ни здесь, ни в имении появляться неуместно. А так – ограбленного иностранца одели крестьяне.

Завтра переберусь к графу, а Дончо попросит управляющего послать его с арбой подальше, скажем, в Софию или Пловдив, с каким-нибудь торговым поручением. Все равно с каким, лишь бы подальше от черкесов.

Заодно седла продаст и амуницию.

Устроившись на ночь на широкой лавке, перестав думать о Росице, стал обдумывать свое положение.

⁴⁰ Саква – мешок, притороченный к седлу.

⁴¹ Кожушок (кожух) – кафтан, подбитый мехом, традиционная славянская одежда, сшитая из овечьих и телячьих шкур.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.